

Замѣтки о поздневизантійскихъ храмовыхъ росписяхъ.

Памятники византійскаго искусства находятся въ какомъ-то странномъ положеніи: они, какъ-будто, теперь уже не вызываютъ ни насмѣшекъ, ни молчаливаго презрѣнія, какъ въ XVIII вѣкѣ, о нихъ говорятъ и пишутъ, ими, какъ-будто, даже любятъ, и не только специалисты, а и болѣе широкіе круги; они признаны произведеніями полноцѣннаго и полноправнаго искусства, особенно у насъ въ Россіи. И, тѣмъ не менѣе, о нихъ, какъ-будто, никто не заботится. Какъ-будто, никому нѣтъ дѣла ни до сохраненія ихъ, ни до ихъ изученія. Что въ Россіи, что въ Италіи, что въ Греціи—все одно: ихъ не разрушаютъ, но и не особенно заботятся объ ихъ цѣлости; а на изданіе ни у кого нѣтъ ни времени, ни охоты, ни средствъ. Между тѣмъ памятники, перенесшіе, за столько вѣковъ, множество бурь и потрясеній, разрушаются не по днямъ, а по часамъ; съ каждымъ годомъ все новыя жертвы уносятъ невозвратное время, исчезаютъ все новыя историческіе документы, которыхъ не использовали мы, не смогуť использовать и наши преемники. Не добромъ помянутъ насъ, историковъ конца XIX и начала XX вѣка, эти наши преемники, обвинять насъ въ нерадѣніи, въ попустительствѣ, погубившемъ безцѣнный научный матеріалъ.

Не перечеть старинныхъ храмовыхъ росписей, которыя, благополучно просуществовавъ до XIX вѣка, были замазаны или сбиты тогда именно, когда, казалось, возросъ интересъ къ нимъ, и наука, освободившись отъ исключительнаго увлеченія антикою, сумѣла стать на историческую точку зрѣнія, сумѣла выработать и новыя эстетическія формулы, болѣе широкія и болѣе справедливыя. Стоитъ напомнить о такомъ разительномъ фактѣ, какъ

порча, теперь, на глазахъ у всевозможныхъ ученыхъ учреждений и лицъ, росписи Спасо-Мирожскаго монастыря, росписи, которая «замѣчательно» и почти полностью сохранилась, безъ всякой передѣлки и поновленія, до начала XX вѣка. Видимо, кому-то очень важно и нужно было погубить памятникъ, и этотъ кто-то, вопреки закону, смогъ настоять на своемъ: когда Императорская Археологическая Коммиссія запросила св. Синодъ, на какомъ основаніи произведена «реставрація» Спасо-Мирожскаго собора, самъ К. П. Побѣдоносцевъ прикрылъ виновнаго, сообщивъ, что, по волѣ покойнаго Императора Александра III, «реставраціею» распорядился онъ, К. П. Побѣдоносцевъ, самолично ¹⁾).

Есть ли у насъ надежда, что такъ было, но такъ не будетъ впредь? Несомнѣнно, кое-что у насъ дѣлается. Новгородскій Спасъ-Нередица сохраненъ, и это не единственный сохраненный памятникъ. Но сколько другихъ, не менѣе, если не болѣе, исторически-важныхъ памятниковъ не вызываетъ той заботы, которая выпала на долю новгородскаго храма. Вѣдь что дѣлается, напримѣръ, въ Кіевѣ! Осыпаются мозаики въ соборѣ Михайловскаго Златоверхаго монастыря, и не далеко то время, когда придется, ради благолѣпія храма, сбить совсѣмъ нѣкоторыя изъ мозаикъ и замѣнить ихъ новою иконописью. Сама св. Софія кіевская внушаетъ опасенія, какъ бы не погибла эта всероссійская святыня, не дождавшись изслѣдованія и удовлетворительнаго изданія. Правда, существуетъ въ Кіевѣ особый комитетъ, который изыскиваетъ мѣры къ сохраненію св. Софіи, заинтересовалась ею и Археологическая Коммиссія ²⁾), обѣщанъ полный ремонтъ храма... но давно уже идутъ всѣ эти переговоры, а «возь и нынѣ тамъ».

Кіевская св. Софія гибнетъ потому, что, говорятъ, на ремонтъ ея требуются громадныя деньги, нѣсколько сотъ тысячъ рублей, которыхъ не откуда взять. Новгородская св. Софія, какъ историческій документъ, погибла, однако, именно потому, что деньги, тоже нѣсколько сотъ тысячъ рублей, имѣлись налицо. Право, не знаешь, чего и пожелать: чтобы средства нашлись, или чтобы ихъ не было! Памятники и въ томъ, и въ другомъ случаѣ

¹⁾ *Извѣстія Имп. Археолог. Коммиссіи*, вып. XXVI, 1908, стр. 85—86.

²⁾ *Извѣстія И. А. К.*, в. XLIX, 1913, стр. 23—24, и L, 1913, стр. 20—27.

обыкновенно обречены на гибель. И если бы памятники, погибая, были сохранены, по крайней мѣрѣ, для исторической науки! Но и этого нѣтъ. Когда въ Туринѣ случился пожаръ въ библиотекѣ, и нѣкоторыя драгоценныя рукописи сдѣлались жертвою огня, это послужило сигналомъ къ фотографированію и изданію цѣлаго ряда наиболѣе важныхъ для науки рукописей другихъ библиотекъ. А исчезновеніе, уничтоженіе неизмѣримо болѣе важныхъ памятниковъ монументальной средневѣковой живописи, въ которыхъ заключается разрѣшеніе ряда первостепенныхъ историческихъ проблемъ, не побудило насъ хоть сфотографировать остальные росписи.

Случилось землетрясеніе въ Мессинѣ, рухнулъ старый соборъ, и не стало мозаикъ, а мозаики были датированы. Въ печати объ этихъ мозаикахъ нѣтъ ничего, кромѣ карикатурныхъ рисунковъ отъ руки, исполненныхъ неподготовленнымъ любителемъ, и нѣтъ никакого описанія—ни технического, ни стилистическаго, ни даже иконографическаго, такъ что мы сейчасъ толкомъ даже не знаемъ, что именно было изображено въ алтарѣ мессинскаго собора. Въ Кіевѣ, слава Богу, землетрясеній не бываетъ, и стихійная катастрофа кіевскимъ святынямъ не угрожаетъ. Но развѣ можно все предвидѣть? Особенно въ такое время, когда пришлось же частично эвакуировать Кіевъ и по возможности вывезти оттуда все цѣнное. Св. Софію изъ Кіева не вывезти, а много ли отъ нея осталось бы въ случаѣ бомбардировки города, объ этомъ нужно навести справки въ Реймсѣ. Да и помимо всякихъ катастрофъ, въ родѣ мессинской или реймской, рухнула же, безъ землетрясенія и безъ бомбардировки, колокольня венеціанскаго св. Марка, просто отъ старости. Что тогда? Развѣ св. Софія не имѣетъ больше тайнъ для насъ? развѣ мы о ней знаемъ все то, что намъ необходимо о ней точно и подробно знать? Два года тому назадъ пишущій эти строки напечаталъ въ московскомъ «Свѣтильникѣ»¹⁾ статью-воплъ, доказывая, что полное воспроизведеніе и изслѣдованіе хотя-бы мозаикъ св. Софіи и немногихъ не переписанныхъ еще фресокъ въ боковыхъ притворахъ и въ крещальнѣ не только настоятельно необходимо, но, повидимому, осуществимо даже безъ крупныхъ затратъ. Оттиски статьи

¹⁾ 1913, № 8, стр. 3—22.

были посланы всѣмъ тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, столичнымъ и мѣстнымъ кievскимъ, отъ которыхъ зависитъ судьба св. Софiи. Отвѣты были получены самые благожелательные. Но приступлено къ работѣ не было. По мѣстнымъ условіямъ безусловно требуется, чтобы инициатива исходила отъ какого-либо большого и авторитетнаго учрежденія...

Мнѣ кажется, однако, что не слѣдуетъ отчаиваться и умыть руки, предоставивъ дѣло «естественному теченію». Капля по каплѣ, говоритъ пословица, и камень точить. Надо снова и снова напоминать о томъ, что мы должны, наконецъ, принять мѣры къ научно-удовлетворительному изданію нашихъ памятниковъ старины. Надо настоять. Если находятся и люди, и деньги, чтобы двигать дѣло археологическаго изученія южнорусскихъ классическихъ древностей, очень, конечно, интересныхъ и важныхъ, но для насъ неизмѣримо болѣе чуждыхъ, чѣмъ памятники средневѣковые, то не можетъ быть, чтобы не нашлись люди и деньги, когда требуется издать и изслѣдовать св. Софiю! Надо настоять. Послужить этому дѣлу должны и предлагаемая «Замѣтки»: въ нихъ я не имѣю претензіи разрѣшить окончательно поднимаемые мною вопросы, напротивъ,—я именно и стремлюсь показать, что вопросы эти очень важны, но не могутъ быть разрѣшены, потому что памятники недостаточно еще изслѣдованы. Пора бы вѣдь кончиться «героическому» періоду исторiи искусства и, вообще, исторiи культуры, когда первостепенные вопросы разрѣшались съ налета, когда блестящія гипотезы, по необходимости, замѣняли строго обоснованныя и доказанныя теорiи.

I. Кіевскій Михайловскій Златоверхій соборъ.

Въ кievскомъ Михайловскомъ Златоверхомъ соборѣ, на стѣнахъ главной апсиды, сохранилась большая мозаика Евхаристiи и двѣ мозаичныя стѣнныя иконы. Такъ какъ, по лѣтописнымъ даннымъ, соборъ былъ заложенъ великимъ княземъ Святополкомъ-Михайломъ Изяславичемъ въ 1108 году, а въ 1113 году строитель былъ уже въ соборѣ похороненъ, то мозаики считаются датированнымъ произведеніемъ начала XII вѣка.

Вопросъ обо всемъ вообще кievскомъ искусствѣ считается обыкновенно удовлетворительно разрѣшеннымъ: св. Софiя—памят-

никъ «византійскій». Лѣтопись ставитъ построение ея въ связь съ основаніемъ «великаго города» Ярослава, а этотъ «великій городъ», со своими Золотыми воротами, со св. Софіею и св. Ириною и пр., явно есть сколокъ съ константинопольскаго акрополя, да и построение его, по времени, совпадаетъ съ прибытіемъ въ Кіевъ митрополита-грека Θεοπεμπта; слѣдовательно, константинопольскіе мастера и построили кіевскую митрополию, и украсили ее мозаиками, фресками и мраморами. Мы ниже будемъ имѣть случай вернуться къ вопросу о томъ, насколько такое построение исторіи кіевскаго искусства отвѣчаетъ положительнымъ фактамъ.

Если даже относительно архитектуры и росписи св. Софін дѣло обстоитъ именно такъ, какъ это постоянно и повсюду повторяютъ, то относительно росписи Михайловскаго собора вопросъ разрѣшается не столь легко и просто, и это было замѣчено тѣмъ лицомъ, которое впервые болѣе подробно и научно занялось михайловскими мозаиками, проф. А. В. Праховымъ. Къ своей статьѣ о кіевскихъ памятникахъ византійско-русскаго искусства А. В. Праховъ приложилъ воспроизведеніе изготовленной имъ кальки съ апсидной мозаики и довольно пространно изложилъ свои мысли о публикуемомъ памятникѣ ¹⁾.

А. В. Праховъ пишетъ: «Всѣ изображенія мозаичныя и фресковыя XI вѣка (напримѣръ, въ Кіево-Софійскомъ соборѣ) сопровождаются греческими надписями. Всѣ фрески и мозаики (михайловскія) XII вѣка сопровождаются надписями русскими: фрески кирилловскія, передицкія, ладожскія, дмитріевскія—всѣ онѣ пояснены русскими надписями. Не слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что въ XII вѣкѣ мы имѣли уже нашу собственную русскую художественную школу, которая вносила тѣ или другія русскія черты въ византійскіе образцы и естественно всѣ греческія пояснительныя надписи замѣнила своими русскими? Если это такъ, то мы можемъ сдѣлать еще одно интересное наблюдение. Сравните фрески и мозаики софійскія, греческія, XI вѣка, съ михайловскими мозаиками и кирилловскими фресками, русскими, XII вѣка. Вы невольно остановитесь на той особенноти, что въ живописи XII вѣка стиль, прежде условный и нѣсколько деревян-

¹⁾ *Древности*, Труды И. Моск. Арх. Общ., XI 3, 1886, стр. 9 и 24—25, табл. VI.

ный, уступаетъ мѣсто большей естественности, большей свободѣ. Взгляните на двѣ мозаики: Евхаристію Софійскаго алтаря и Евхаристію Михайловскаго алтаря, и для примѣра, сравните апостоловъ, подходящихъ справа къ Іисусу Христу съ чашею,—вы неминуемо отдадите преимущество михайловскому изображенію: сколько естественности въ движеніи и въ выраженіи благоговѣнія въ первой наклоненной фигурѣ, сколько благородной граціи во второй. На сколько фигуры выросли и стали стройны. Стиль колеблется, такъ какъ въ принесенныя Византіей формы русская фантазія, овладѣвъ ими, начинаетъ вносить живыя наблюденія: то есть, на нашихъ глазахъ начинается тотъ органическій, творческій процессъ, который помогъ, на примѣръ, итальянцамъ, воспользовавшись всѣмъ, что могла дать имъ Византія, повести дѣло искусства—исканіе красоты внѣшней и внутренней жизни человѣка—далѣе и далѣе, до феноменальнаго совершенства въ созданіяхъ XVI столѣтія. Вѣкъ XI былъ для насъ вѣкомъ ученія, вѣкъ XII началомъ самостоятельной художественной дѣятельности; да, самостоятельной, такъ какъ русскій ученикъ византійскаго учителя уже началъ наблюдать дѣйствительность и вносить свои наблюденія въ искусство.»

А вотъ отзывъ другого знатока, Н. П. Кондакова: «Общій характеръ стиля (въ михайловской мозаикѣ) ниже софійской мозаики; уже нѣтъ той цѣльности въ манерѣ представленія апостольскихъ группъ, и мастеръ, не имѣя къ тому ни силъ, ни средствъ, ищетъ наивнаго разнообразія въ постановкѣ фигуръ; пропорціи утрированы до крайности: несоразмѣрно малы головки, руки и ноги; драпировки спутаны, подъ одеждами не чувствуется тѣла. Въ техническомъ отношеніи мозаика отличается сѣрыми, безцвѣтными тонами и страдаетъ обиліемъ камня и шифера. Чернаго цвѣта надпись, на этотъ разъ церковно-славянская, вышиною въ буквахъ около шести вершковъ, тянется поверхъ обѣихъ апостольскихъ группъ». «Хотя надпись отличается опибками, однако, можетъ служить явнымъ доказательствомъ того, что, если искусство и здѣсь, какъ въ кievской Софії, было византійское, но мастерство уже было русское, и самая мозаика должна была быть исполнена отчасти кievскими учениками грековъ. Немногіе остатки другихъ мозаикъ въ апсидѣ, какъ то сильно поврежденные лики великомученика Димитрія и первомученика Стефана,

сопровождаются греческими надписями, и это обстоятельство не мѣняетъ дѣла»¹⁾.

Литература о памятникахъ искусства богата примѣрами рѣзкаго расхожденія мнѣній знатоковъ, но даже и тутъ противоположность отзывовъ А. В. Прахова и Н. П. Кондакова не можетъ не поразить. Обыкновенно историкъ искусства можетъ не особенно беспокоиться разногласіемъ, разъ споръ идетъ только объ эстетической оцѣнкѣ того или иного произведенія искусства. Въ данномъ же случаѣ ставится вопросъ о самой классификаціи памятника, вопросъ о генезисѣ русскаго искусства.

Памятникъ, по поводу котораго возникаютъ столь важные, основные вопросы, достоинъ, конечно, самаго пристального вниманія. Оба автора основываютъ свои сужденія на томъ фактѣ, что главная надпись Евхаристіи сдѣлана по-русски. Но достоверно ли, что надпись современна прочей мозаикѣ? Краткое заявленіе, что двуязычіе надписей «не мѣняетъ дѣла», устранить всѣ сомнѣнія едва-ли можетъ. Большая надпись имѣетъ несомнѣнно странный видъ. Она гласитъ:

† прїимѣте и гадите се кѣтъ тѣло мое лшмимое за вы въ вставленіе грѣхов
[п]їнте Ѡ немъ вси се кѣтъкръзвъ мога новаго завѣта ізавѣта ізліваемазавкыза

Особенно вторая строка, съ этимъ повтореніемъ словъ «завѣта і завѣта ізліваемая за вы за» и съ обрывомъ на серединѣ фразы, производитъ невыгодное впечатлѣніе. Такое же впечатлѣніе производитъ и палеографическій характеръ надписи. Вполнѣ законнымъ является предположеніе, что она появилась въ результатѣ реставраціи, произведенной въ такое время, когда самая техника мозаичнаго дѣла еще не пришла въ полное забвеніе, но общій культурный уровень уже сильно упалъ. Установить позднѣйшую вставку чрезвычайно легко: кто хоть немного знакомъ съ техникою мозаичнаго дѣла, знаетъ, что отъ всякой починки или вставки въ мозаикѣ непремѣнно остаются швы, даже тогда, когда на незамѣтность починки обращено особое вниманіе, какъ это бываетъ при новѣйшихъ реставраціяхъ. Слѣдовательно, если михайловская мозаика подвергалась реставраціи примѣрно во второй половинѣ XII или въ первой поло-

¹⁾ И. Толетой и Н. Кондаковъ, Русскія древности въ памятникахъ искусства, IV. СПБ., 1891, стр. 162—163, рис. 147—148.

внѣ XIII вѣка (т. е. послѣ разгрома Кіева войсками Андрея Боголюбскаго въ 1168 году, но до татарскаго разгрома 1240 г.), швы должны быть видны: цѣлый рядъ памятниковъ показываетъ, что византійскіе мастера вовсе не стремились, во что бы то ни стало, задѣлать всякіе слѣды починокъ, даже въ такихъ парадныхъ памятникахъ, какъ апсиды никейскаго храма Успенія, св. Софіи въ Салоникѣ и св. Софіи въ Кіевѣ. Достаточно было бы крупной хорошей (не любительской) фотографіи съ верхней части михайловской мозаики—но, конечно, не съ кальки, а съ оригинала,—и вопросъ о подлинности и документальномъ значеніи не-греческой надписи былъ бы рѣшенъ самымъ безспорнымъ образомъ; если бы она оказалась современною всей мозаичной росписи апсиды, оставалось бы уже только представить объясненіе, почему въ начертаніи буквъ большой евхаристической надписи и малыхъ надписей именъ св. Фаддея, Димитрія и Стефана замѣчается столь опредѣленная разница. Но нужной хорошей, крупной фотографіи мы съ михайловской мозаики не имѣемъ.

Второй вопросъ: каково отношеніе Михайловской Евхаристіи къ Софійской? Кто говоритъ, что Михайловская скопирована съ Софійской, кто это отрицаетъ. Н. В. Покровскій выражается такъ ¹⁾: «То и другое изображеніе въ общихъ чертахъ совершенно сходны между собою, но въ частности между ними замѣчается разница, а это доказываетъ, что Михайловская мозаика не была скопирована съ Софійской и, можетъ быть, сдѣлана другими мастерами. Наболѣе замѣтная разница ихъ заключается, во-первыхъ, въ томъ, что въ Михайловской мозаикѣ нѣтъ киворія надъ престоломъ, но есть другая подробность, которой нѣтъ въ Софійской: это—алтарная преграда съ завѣсою передъ престоломъ, въ видѣ низкой стѣны со столбиками, важная археологическая подробность для исторіи нашего иконостаса; во-вторыхъ, на Михайловской мозаикѣ Спаситель, при раздаваніи хлѣба, держитъ въ лѣвой рукѣ дискосъ, а въ Софійской этого дискаса нѣтъ; въ-третьихъ, на престолѣ въ Михайловской мозаикѣ изображенъ одинъ только дискосъ, другихъ утварей нѣтъ; въ-четвертыхъ, въ Михайловской

¹⁾ Н. В. Покровскій, Стѣнные росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ. Труды VII (Ярославскаго) археологическаго съезда, I, 1890, стр. 178; его же, Очерки памятниковъ христіанской иконографіи и искусства. СПб., 1900, стр. 279—281.

мозаикѣ надписъ: «примите и ядите... пейте отъ нея вси», сдѣлана по-славянски, тогда какъ въ Софійской по-гречески». Итакъ, между обѣими мозаиками есть цѣлый рядъ иконографическихъ различій. Но такъ ли это? Возможно, что да, но вполне возможно, что нѣтъ. Вѣдь вся середина Михайловской мозаики сильно реставрирована, какъ явственно видно въ бинокль, дополнена масляною росписью, и теперь снизу, при самомъ напряженномъ разсматриваніи, не различить, что тамъ было изображено первоначально. Н. В. Покровскій, напримѣръ, утверждаетъ категорически, что киворія въ Михайловской мозаикѣ нѣтъ, и Н. П. Кондаковъ это, повидимому, подтверждаетъ; но на калькѣ А. В. Прахова киворій есть, и мнѣ, по крайней мѣрѣ, послѣ тщательнаго разглядыванія мозаики въ бинокль, показалось, что нынѣшній киворій написанъ масляною краскою по слѣдамъ первоначальнаго. Будь у насъ хорошая фотографія, весь вопросъ объ иконографіи Михайловской мозаики могъ бы быть рѣшенъ лупою. Но такихъ фотографій у насъ нѣтъ. Ибо нельзя признать хорошими снимки, помѣщенные въ VI томѣ Исторіи русскаго искусства Иг. Грабаря (стр. 124—125, фотографіи г. Негеля).

Но, можетъ быть, мозаики, по крайней мѣрѣ, описаны съ исчерпывающею полнотою, и описаніе, до извѣстной степени, можетъ замѣнить воспроизведеніе? Ничуть! А. В. Праховъ описалъ мозаики лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, и до сихъ поръ нѣтъ обстоятельнаго описанія, основаннаго на тщательномъ изученіи самого памятника, а потому цѣлый рядъ вопросовъ, возникающихъ по поводу михайловской мозаики, остается безъ отвѣта. Вѣдь мозаика не только, какъ уже указывалось, сильно реставрирована, но ее и особенно трудно разсмотрѣть, такъ какъ высокій иконостасъ загораживаетъ алтарь со стороны храма и не даетъ зрителю отойти на достаточное разстояніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлаетъ и освѣщеніе мозаики скуднымъ, такъ какъ лишаетъ ее отраженнаго свѣта, который проникалъ бы въ алтарь изъ-подъ купола. Между тѣмъ, именно изученіе мозаикъ должно быть мелко точно. О фрескѣ, пожалуй, еще можно составить себѣ болѣе или менѣе опредѣленное представленіе, если разсмотрѣть ее внимательно въ бинокль, но мозаику необходимо осмотрѣть вблизи и оцупать своими руками. Безусловно необходимо, чтобы компетентное лицо, знающее технику мозаичнаго дѣла, продѣ-

лало вотъ эту «протокольную» работу: нужно построить лѣса, описать во всѣхъ подробностяхъ, какія части мозаики подлинны, какъ онѣ набраны и изъ какихъ матеріаловъ, каковы размѣры кубиковъ, какова поверхность мозаики. Необходимо, чтобы были исполнены фотографическіе снимки въ крупномъ масштабѣ съ каждой отдѣльной фигуры, чтобы наиболѣе показательныя части (лики, напримѣръ, или руки, или части драпировокъ) были сфотографированы въ натуральныхъ размѣрахъ. Необходимо, наконецъ, чтобы съ ряда деталей были исполнены кальки, которыя бы портретно и въ краскахъ воспроизводили каждый кубикъ, каждый шовъ между кубиками. Тогда только можно будетъ сказать, что мы для спасенія михайловской мозаики сдѣлали все, что ученые могли сдѣлать, и позволительно будетъ предоставить дальнѣйшую заботу о сохраненіи памятника духовнымъ и свѣтскимъ властямъ. Пусть тогда мозаики «обметаютъ», какъ это практикуется въ настоящее время, причемъ кубики сыплются дождемъ; пусть тогда копотъ и пыль густымъ саваномъ покрываютъ мозаику, какъ теперь, — сѣрый покровъ не введетъ никого въ заблужденіе, ибо наука будетъ располагать точными данными. «Спасеніе» памятника никакими особенными расходами сопровождаться не будетъ: тутъ все дѣло въ нѣсколькихъ сотняхъ рублей. Эти сотни найдутся даже у частныхъ лицъ. Требуется только, чтобы церковныя власти разрѣшили построить въ алтарѣ лѣтомъ (на мѣсяцъ или на полтора, не больше) солидные лѣса, да позволили на этихъ лѣсахъ работать, пользуясь свѣтлыми часами долгаго лѣтняго дня.

Что Михайловскія мозаики стоятъ такой работы, ясно уже изъ приведенныхъ компетентныхъ отзывовъ. Но интересъ, представляемый имъ, мнѣ кажется, еще увеличивается, если самый вопросъ о нихъ поставить въ нѣсколько иную плоскость: во-первыхъ, не исходить отъ пресловутаго константинопольскаго догмата, согласно которому все древне-русское искусство выводится изъ Царяграда, а во-вторыхъ, потребовать доказательствъ для самой даты росписи михайловскаго монастыря. О догматѣ (иначе назвать константинопольскую гипотезу, право, нельзя, потому что только догматы принимаются на вѣру, безъ доказательствъ и безъ обсужденія) мы скажемъ ниже. Что же касается даты, она далеко не такъ безспорна, какою признается: годъ построенія храма есть только *terminus post quem*, а *terminus ante quem* требуется еще

ближе опредѣлить, ибо съ увѣренностью можно только одно сказать, что михайловская мозаика сооружена ранѣе 1240 года, а можетъ быть—ранѣе и 1168 года. Но это все слишкомъ неопредѣленно!

Какъ же можетъ быть рѣшенъ вопросъ о времени михайловскихъ мозаикъ? Путемъ техническаго, иконографическаго и стилистическаго сравненія съ другими памятниками, хронологія которыхъ достовѣрно установлена. Но надо признать, что такихъ памятниковъ, которые бы въ совершенствѣ отвѣчали методологическимъ требованіямъ, не сохранилось. Вѣдь для того, чтобы наше разсужденіе имѣло характеръ доказательства, требуется, чтобы мы михайловскую мозаику могли сравнить съ кievскими же мозаиками середины и конца XI, начала, середины и конца XII вѣковъ. Но послѣ гибели всѣхъ вообще не только мозаикъ, но и храмовыхъ росписей кievскихъ и кievской области, за исключеніемъ весьма немногихъ, матеріаль для сравненія, который можетъ быть привлеченъ, весьма скуденъ. Вѣдь и софійскихъ даже мозаикъ мы по-настоящему не знаемъ: мы видимъ, что въ св. Софiи стилистическая разница между мозаиками купола и «Нерушимою Стѣною», съ одной стороны, и прочими мозаиками, съ другой, весьма существенна и велика; мы видимъ, что фигура евангелиста Іоанна въ сѣверо-восточномъ парусѣ исполнена совершенно иначе, чѣмъ фигура евангелиста Марка въ юго-западномъ парусѣ, мы видимъ, что въ разныхъ мѣстахъ въ золотомъ фонѣ есть швы, мы можемъ даже опредѣленно установить наличность разныхъ двухъ сортовъ золотыхъ кубиковъ въ этомъ фонѣ, однихъ покрупнѣе, легко теряющихъ покровное стеклышко и чернѣющихъ, другихъ помельче и прочнѣе. Но развѣ это достаточно точныя данныя? Мы о мозаикахъ св. Софiи знаемъ только то, что нельзя о нихъ говорить, какъ о стилистическомъ и хронологическомъ цѣломъ, какъ объ единой росписи, и что нельзя при изученіи этихъ мозаикъ исходить отъ лѣтописной даты построенія храма, какъ отъ несомнѣнной даты также и мозаикъ, всѣхъ мозаикъ. Другими словами, мы и о росписи св. Софiи имѣемъ слишкомъ мало положительныхъ данныхъ, чтобы использовать ее для опредѣленія михайловской мозаики.

Но, если нѣтъ русскихъ памятниковъ, то у насъ есть памятники греческіе, которые мы можемъ привлечь, такъ какъ вѣдь

установлено, что кievскіе князья вызывали грековъ для сооруженія и украшенія своихъ храмовъ? Но нужно сказать: лѣтопись о вызовѣ мастеровъ-грековъ въ Кіевъ упоминаетъ лишь по поводу Десятиной церкви Владиміра, но не по поводу св. Софіи или Михайловскаго собора. Кромѣ того, греки бываютъ разные, константинопольскіе, напимѣръ, и провинціальныя; полнымъ единствомъ византійское искусство никогда не отличалось. Это одно. Но есть еще и другое: мы вовсе не столь богаты и «византійскими» памятниками XI и XII вѣковъ, которые были бы безспорно датированы. Изъ всего XI вѣка можно назвать всего двѣ такихъ росписи: въ нарѣикѣ никейской церкви Успенія, 1028 года, да въ соборѣ хіосскаго Новаго монастыря, 1054 года ¹⁾. Въ 1108 году была начата роспись новгородской св. Софіи, конченная въ 1144 году ²⁾. Къ 1112 году относится сохранившаяся въ немногихъ отдѣльныхъ фрагментахъ мозаичная роспись базилики Урса въ Равеннѣ ³⁾. Въ промежутокъ между 1098—1130 годами украшенъ былъ алтарь мессинскаго собора la Matrice ⁴⁾. Въ сороковыхъ годахъ XII вѣка мозаичисты работали въ Марторанѣ ⁵⁾, въ Чефалу ⁶⁾, въ Палатин-

¹⁾ Никейскія мозаики были изслѣдованы, описаны и воспроизведены мною еще весною 1912 г., хіосскія—на Рождествѣ 1911 г.; публикація должна была составить 17-й томъ «Извѣстій Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ»; таблицы были уже готовы, текстъ почти весь набранъ и большею частью напечатанъ, но разгорѣвшаяся война сдѣлала появленіе тома невозможнымъ. Поэтому я долженъ отослать читателя къ статьѣ О. Θ. Вульфа, Архитектура и мозаики храма Успенія Богородицы въ Никее. *Виз. Врем.*, VII, 1900, стр. 315—425, табл. I—III, а о хіосскихъ—къ статьѣ I. Стржиговскаго, Nea Moni auf Chios. *Byz. Zeitschr.*, V, 1896, p. 140—157, pl. I—III.

²⁾ В. Мясоѣдовъ, Фрагменты фресковой росписи Святой Софіи Новгородской. *Записки Отд. русской и слав. археол. II. Русск. Арх. Общ.*, X, 1915, стр. 15—34, табл. VI—VIII.

³⁾ Θ. И. Шмитъ, Равеннскія мозаики 1112 года. *Светильникъ*, 1914, июль, стр. 7—36, съ 3 табл.; фрагменты, не воспроизведенные мною, были опубликованы G. Galassi, La così detta decadenza dell'arte musiva Ravennate. *Felix Ravenna*, № 15, 1914, pl. 48—49.

⁴⁾ G. Clausse, Basiliques et mosaïques chrétiennes: Italie, Sicile. Paris, 1893, II, p. 116—127; фотографіи въ собраніи парижской École des Hautes Études (G. Millet) С 742—746.

⁵⁾ А. Н. Щукаревъ, Византійскія мозаики двухъ сицилійскихъ церквей XII вѣка. *Зап. II. Р. Археолог. Общ.*, нов. сер., IV, 1890, стр. 59—67, табл. IV—VI; фотографіи C. Inconroga № 96—105, Sommer № 1351, 1355, 10007, 10008, Alinari № 19540—19543, 19863—19867.

⁶⁾ А. Н. Щукаревъ, ук. соч., стр. 50—59; фотографіи Alinari № 19880—19883.

ской капеллѣ ¹⁾. 1169-мъ годомъ, по большей части, датированы мозаики вилеямской базилики Рождества Христова ²⁾. Мозаики собора въ Монреале исполнены въ 1182 году ³⁾. Сверхъ того, XI—XII вв. предположительно опредѣляются росписи или части росписей въ солунской св. Софїи ⁴⁾, въ Дафни ⁵⁾, въ монастырѣ св. Луки ⁶⁾, въ серрской Митрополи ⁷⁾, въ Триестѣ ⁸⁾, въ Мурано ⁹⁾, въ Торчелло ¹⁰⁾, въ Гроттаферратѣ ¹¹⁾, въ Ватопеди ¹²⁾. Всѣ эти памятники разсѣяны на огромной территорїи и вовсе не даютъ возможности построить такую послѣдовательную и подробную исторїю монументальной мозаичной живописи, чтобы мѣсто ка-

¹⁾ А. А. Павловскій, Живопись Палатинской капеллы въ Палермо, по снимкамъ пенсіонеровъ И. Академіи Художествъ А. Н. Померанцева и Ө. И. Чагина. СПБ., 1890; фотографїи Alinari № 33111—33151.

²⁾ См. мою рецензію въ *Ж. М. Н. П.* н. с., XLVI, 1913, отд. 2, 313—342.

³⁾ Фотографїи Alinari № 33242—33310.

⁴⁾ Ch. Diehl et M. Letourneau, Les mosaïques de Sainte Sophie de Salonique. *Mon. Piot*, XVI, 1909, p. 39—60, pl. IV—VI; по вопросу о времени сооружеія мозаикъ см. работы Е. К. Рѣдина, *Виз. Вр.*, VI, 1899, стр. 370—379, и Д. В. Айналова, *Виз. Вр.*, XV, 1908, стр. 535—541.

⁵⁾ G. Millet, Le Monastère de Daphni. Paris, 1899, p. 71—185, pl. VII—XIX; фотографїи Alinari № 24686—24699.

⁶⁾ Ө. И. Шмитъ, Мозаики монастыря преподобнаго Луки. *Сборникъ Харьковскаго Ист.-филолог. Общ.*, XXI, 1913—1914, стр. 318—334; фотографїи Coll. d. H. Ét. (G. Millet) В 254—285 и С 1288—1295, и берлинской K. Messbildanstalt № 1360 1—22.

⁷⁾ P. Perdrizet et L. Chesnay, La Métropole de Serrès. *Mon. Piot*, X, 1903, p. 123—144, pl. XII—XIII; Н. П. Кондаковъ, Македонія. СПБ., 1909, стр. 150—154; фотографїи аѳинскаго христіанскаго Археологическаго Общества, № 3358—3399.

⁸⁾ Фотографїи Alinari № 21130—21141.

⁹⁾ Фотографїи Naya № 3711.

¹⁰⁾ Н. В. Покровскій, Страшный судъ въ памятникахъ византїйскаго и русскаго искусства. *Труды VI арх. съѣзда въ Одессѣ*, III, Одесса, 1887, стр. 301—304, табл. II; Н. П. Лихачевъ, Матеріалы для исторїи русскаго иконописанія. Альбомъ, I, СПБ., 1906, табл. V—VI; Н. П. Кондаковъ, Иконографія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Лицевой иконописный подлинникъ, I, СПБ., 1905, стр. 44, рис. 68, и табл. 8; фотографїи Naya № 3749—3754 и 3764—3770.

¹¹⁾ Н. П. Кондаковъ, Иконографія Господа, стр. 47, рис. 74; A. Baumstark, Il mosaico degli apostoli nella chiesa abbaziale di Grottaferrata. *Oriens chr.*, IV, 1904, p. 121—150, 4 pl.

¹²⁾ Н. П. Кондаковъ, Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ. СПБ., 1902, стр. 101—105, рис. 47—49; G. Millet, Quelques représentations byzantines de la salutation angélique. *Bull. de corr. Hell.*, XVIII, 1894, p. 455. fig. I.

ждаго новаго памятника въ общей цѣпи фактовъ опредѣлялось само собою и безъ возможности колебаній ¹⁾).

Итакъ, на полученіе безспорнаго хронологическаго вывода мы даже въ случаѣ публикаціи и изслѣдованія михайловской мозаики немедленно разсчитывать не должны: для того, чтобы стало возможнымъ построеніе той исторіи «византійскаго» искусства, которая позволила бы точно датировать памятники, необходима публикація не одного кievскаго комплекса мозаикъ, а всего того монументальнаго матеріала, который сохранился и въ Азіи, и на Кавказѣ, и на Балканскомъ полуостровѣ, и, наконецъ, въ Россіи. Изданіе михайловскихъ мозаикъ будетъ крупнымъ шагомъ впередъ въ этомъ дѣлѣ, но не послѣднимъ шагомъ, который намъ надлежитъ сдѣлать. Зато это изданіе, несомнѣнно, должно насъ сильно приблизить къ разрѣшенію другого весьма важнаго вопроса: вопроса о пріемлемости константинопольскаго догмата. Давно уже извѣстно, что въ «Византіи», наряду со столичною, существовали провинціальныя художественныя школы, которыя между собою иногда очень замѣтно различались, и было бы, разумѣется, желательно, чтобы мы научились точно формулировать признаки этихъ провинціальныхъ школъ. Въ частности вопросъ этотъ имѣетъ большое значеніе для исторіи русскаго искусства: выяснилось бы, къ какому именно изъ теченій византійскаго искусства при-мкнуло древне-русское искусство. Я прошу позволенія по этому вопросу представить свои иконографическія соображенія,—иконографическія только, а не стилистическія, такъ какъ для этихъ послѣднихъ время еще не настало, а вовсе, конечно, не потому, чтобы иконографіи принадлежало тутъ послѣднее слово.

Но если говорить объ иконографіи Михайловскаго Злато-верхаго собора, намъ надо исходить не отъ того только, что въ настоящее время еще имѣется налицо; надо принять во вниманіе и то, что было нѣкогда.

¹⁾ Напомню о тѣхъ рѣзкихъ разногласіяхъ, которыя возникаютъ по поводу почти всѣхъ перечисленныхъ не датированныхъ памятниковъ. Особенно поучителенъ споръ о хронологіи купольныхъ мозаикъ св. Софіи Солунской, которыя разными изслѣдователями относятся къ самымъ разнообразнымъ вѣкамъ. Если разобратъ въ аргументахъ авторовъ, писавшихъ о памятникѣ, нельзя не обратить вниманія на отрывочность, на неметодичность ихъ: произведеніе искусства не разбирается, какъ выраженіе опредѣленнаго художественнаго міросозерпанія, какъ цѣлое, а какъ сборникъ деталей.

Во время Павла Алеппскаго, въ серединѣ XVII вѣка, мозаичная роспись алтаря Михайловскаго собора была видима въ цѣлости: «Великій алтарь похожъ на алтарь св. Софїи и монастыря Печерскаго, съ тремя большими окнами. На передней (восточной) его сторонѣ есть изображеніе Владычицы, стоящей, воздѣвъ свои руки съ открытыми дланями, изъ позолоченной мозаики; также изображеніе Господа Бога, который подаетъ своимъ ученикамъ, стоящимъ съ обѣихъ сторонъ, хлѣбъ и кровь божественные; подъ ними кругомъ изображенія архіереевъ—все изъ мозаики» ¹⁾. Не упоминаетъ Павелъ Алеппскій о томъ, что поясъ съ изображеніемъ Евхаристіи продолжается и на стѣнахъ вимы (фигуры апостоловъ погибли, но сохранилась краснорѣчивая одна надпись: 'οα' Θαδέος), и что на высотѣ этого пояса въ пролѣтѣ триумфальной арки изображены: 'οα' Δημήτριος и 'οα' Στέφανος (обѣ фигуры сохранились въ общихъ чертахъ, но отчасти уже осыпались и продолжаютъ осыпаться, такъ какъ ихъ «обметаютъ», отъ времени до времени, метлою, насаженною на длинную палку, снизу, насколько хватаетъ палка). Были ли когда-нибудь мозаики и внѣ алтаря, мы теперь рѣшить не можемъ.

Если мы сравнимъ михайловскую алтарную роспись, какъ иконографическое цѣлое, съ перечисленными прочими росписями того же приблизительно времени, мы должны, прежде всего, замѣтить, что всѣ эти росписи рѣзко дѣлятся на двѣ группы: въ однихъ храмахъ символическія композиціи занимаютъ только своды и стѣны выше карниза, идущаго на уровнѣ пять сводовъ, а въ другихъ мозаики или фрески заходятъ и на самыя стѣны. Различіе это не обусловлено хронологіею, ибо росписи перваго типа встрѣчаются и въ XII вѣкѣ, а росписи второго типа имѣются и въ XI вѣкѣ; дѣло, повидимому, заключается въ географическомъ распредѣленіи памятниковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, ни на Хіосѣ, ни въ Дафни, ни у св. Луки, ни въ св. Софїи солунской, т. е. ни въ одной изъ росписей, зависящихъ отъ Константинополя, стѣнныхъ мозаикъ нѣтъ; онѣ есть въ храмахъ сѣверно-адриатической, сичилійской и русской группъ, и надо прибавить, что для сѣверно-адриатической группы

¹⁾ Путешествіе антиохійскаго патриарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ, перев. Муркоса. Москва, 1897, II, стр. 73.

по крайней мѣрѣ, распisanie стѣнъ отнюдь не является новинкою, ибо оно было обычно уже въ старой Равеннѣ и равеннской области (напримѣръ, въ Паренцо). Между тѣмъ, ни въ одной изъ современныхъ равеннскимъ константинопольскихъ церквей, ни въ св. Софіи, ни въ св. Иринѣ, стѣнныхъ мозаикъ не было. О томъ, что Равенна является центромъ не византійскимъ, если слово «византійскій» понимать въ узкомъ значеніи—«цареградскій», часто уже говорилось въ ученой литературѣ; это положеніе, по крайней мѣрѣ, для исторіи живописи, доказано будетъ лишь тогда, когда будутъ опубликованы мозаики коробоваго свода алтаря никейской церкви Успенія Богородицы, фигуры чиновъ ангельскихъ, единственный сохранившійся памятникъ цареградской монументальной живописи VI—VII вѣка: стилистическая разница между никейскими и равеннскими мозаиками громадна. При наличности такой разницы, помѣщеніе мозаикъ на стѣнахъ равеннскихъ церквей получаетъ значеніе характерной черты. Какъ бы то ни было, оно не можетъ быть разсматриваемо, какъ признакъ не существующій, случайный.

Но если не случайно появленіе стѣнныхъ мозаикъ въ Равеннѣ, то не можетъ оно быть случайнымъ и въ Сичилии, и въ Россіи. Про палермскую Марторану мы знаемъ, что она была построена Георгіемъ Антиохійскимъ, сирійскимъ грекомъ; относительно остальныхъ сичилійскихъ храмовъ мы прямыхъ указаній на Востокъ не имѣемъ, но, при наличности крестonosцевъ въ Палестинѣ и на всемъ вообще средиземно-морскомъ Востокѣ и при постоянной враждѣ и крестonosцевъ, и сицилійскихъ норманновъ съ Византією, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что не Константинополь, а именно Востокъ долженъ былъ являться поставщикомъ произведеній искусства и художниковъ. Что на Востокѣ имѣлись тѣ художественныя силы, въ которыхъ нуждался Западъ, показываетъ роспись базилики Рождества Христа въ Вилелемѣ.

Что касается Россіи, то не надо упускать изъ вида, что Константинополь вовсе не былъ единственнымъ центромъ, изъ котораго къ намъ могло проникать «византійское» искусство: есть еще и Кавказъ, черезъ который Русь могла сообщаться непосредственно съ Востокомъ, тѣмъ самымъ христіанскимъ Востокомъ, о которомъ столько спорять, съ тѣхъ поръ, какъ пылкій І. Стржи-

говскій сталь проповѣдывать новый догмать о подавляющемъ культурномъ и художественномъ значеніи Египта и Месопотаміи, Сиріи, Малой Азіи. Но не надо пугаться имени Стржиговскаго. Вопросъ о непосредственномъ воздѣйствіи христіанскаго Востока на древнюю Русь ставился уже гораздо раньше, чѣмъ о немъ заговорилъ Стржиговскій. Чрезвычайно опредѣленно онъ былъ поставленъ о. Лебединцевымъ. Въ засѣданіи V-го (тифлискаго) археологическаго съѣзда, 10 сентября 1881 года, въ отдѣленіи христіанскихъ памятниковъ, какъ видно изъ протоколовъ съѣзда, стр. XXXII, графъ А. С. Уваровъ прочиталъ слѣдующее письмо протоіерея Кіево-Софійскаго собора о. Лебединцева:

«У нашихъ историковъ принято, что христіанство пришло въ Кіевъ изъ Царьграда, утвердилось въ Кіевѣ при св. Владимірѣ и потомъ изъ Кіева распространилось во всѣ концы тогдашняго Русскаго государства. Между тѣмъ, изъ лѣтописей видно, что на сѣверо-востокѣ Россіи—въ Ростовской и Муромской области—христіанство развилось такъ скоро еще при св. Владимірѣ, что трудно думать, чтобы оно не проникло туда еще раньше времени св. Владимира, и чтобы эта страна не имѣла и другихъ негласныхъ просвѣтителей, кромѣ иноковъ и пастырей, посылавшихся изъ Кіева. Съ другой стороны, въ самомъ сознаніи христіанства поселенцевъ сѣверо-востока Россіи оказалось впоследствии времени столько особенностей, отличавшихъ ихъ отъ юго-западной церкви русской, что эту рознь въ русской церкви никакъ нельзя объяснить себѣ, оставаясь въ убѣжденіи, что христіанство и на юго-западѣ, и на сѣверо-востокѣ Россіи выходило изъ одного и того же Константинополя чрезъ Кіевъ. Таковы особенности, на примѣръ, въ сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія, въ осѣненіи себя крестнымъ знаменіемъ, въ строгости постовъ, въ стремленіи къ пустынножительству, въ отношеніяхъ къ церкви, бѣлому духовенству и монашеству, въ нѣкоторыхъ обрядахъ, устройствѣ храмовъ и ихъ украшеніи, въ привязанности большей къ внѣшности церковной, въ нравахъ и религіозныхъ вѣрованіяхъ, наконецъ—въ появленіи ересей и расколовъ на сѣверо-востокѣ Россіи, которые неизвѣстны въ юго-западной Россіи.»

«Всѣ эти особенности приводятъ къ мысли, что христіан-

ство проходило въ сѣверо-восточную Русь, можетъ быть, не изъ одного Кіева, и что прибытію сюда епископовъ, посланныхъ кіевскимъ митрополитомъ, предшествовали учителя вѣры, не видѣвшіе ни Кіева, ни Царьграда. Откуда же они вышли? Волга представляла для сѣверо-востока Россіи такой же большой водный путь, какимъ служилъ Днѣпръ для юго-западной Россіи. Послѣдній вводилъ насъ въ общеніе съ Царьградомъ; первый поставлялъ въ связь съ церквами грузинскою и армянскою, а чрезъ нихъ съ Антиохіей и Александріей, а также съ разными поселками еретическими, ссылаемыми Византіей на Кавказъ. Естественно потому спросить, нѣтъ ли на Кавказѣ историческихъ слѣдовъ того, что христіане Кавказа вліяли на просвѣщеніе сѣверо-восточной Руси свѣтомъ христіанства, и что церковь грузинская, находившаяся болѣе столѣтія въ зависимости отъ антиохійскаго патріархата, и церковь армянская, которой католикосы съ 302 по 439 годъ принимали рукоположеніе отъ кесарійскаго (въ Каппадокіи) архіепископа, вносили въ сѣверо-восточную Русь нѣкоторыя свои особенности, не встрѣчающіяся въ южной митрополіи русской».

«Вопросъ этотъ мнѣ представляется заслуживающимъ вниманія гг. членовъ археологическаго съѣзда, и потому покорнѣйше прошу васъ предложить его на ихъ обсужденіе».

О. Лебединцевъ ставитъ вопросъ только о культурѣ Кавказа и сѣверо-восточной Россіи; въ томъ, что Кіевъ представитель чистѣйшей константинопольской культуры, сомнѣваться онъ не дерзаетъ. Но и это сомнѣніе необходимо и законно, какъ только мы пожелаемъ поставить вопросъ на объективную, т. е. единственную возможную для исторической науки почву. Бѣда тутъ только въ томъ, что, если мы чрезвычайно мало знаемъ о памятникахъ русскихъ, мы и того меньше знаемъ о памятникахъ Кавказа.

О Кавказѣ существуетъ цѣлая обширная ученая литература. Есть труды — теперь составляющіе, конечно, библиографическія рѣдкости и доступные далеко не всѣмъ историкамъ искусства — ученыхъ путешественниковъ - иностранцевъ, Броссэ, Дюбуа, Гримма и др.; есть и драгоцѣнные русскіе труды — рисунки архитектора Норева, 1847 года, т. е. исполненные въ такое время,

когда памятники Кавказа были еще значительно цѣлѣе, чѣмъ теперь, но эти рисунки лежатъ въ картонахъ Петроградской Академіи Художествъ, гдѣ они совершенно недоступны для избранныхъ; изданы рисунки князя Г. Г. Гагарина, завѣдомо до крайности неточные, да и не отличающіеся сколько-нибудь полнотою и систематичностью. Въ рукахъ у всякаго желающаго могутъ быть только «Русскія древности» гр. И. Толстого и Н. Кондакова, вып. IV (1891 года), серія тифлискаго «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа», гдѣ, наряду съ этнографическими, филологическими и т. п. матеріалами, встрѣчаются и описанія христіанскихъ памятниковъ, и, наконецъ, московская серія «Матеріаловъ по археологіи Кавказа», которыхъ появился уже цѣлый рядъ объемистыхъ томовъ.

Авторы «Русскихъ древностей» обращали вниманіе почти исключительно на кавказскую архитектуру и скульптуру, обходя молчаніемъ храмовыя росписи. На стр. 43 мы находимъ самый краткій и неполный перечень сюжетовъ, обычныхъ въ грузинскихъ и армянскихъ храмахъ (перечень этотъ перепечатанъ буквально изъ статьи Н. П. Кондакова о древней архитектурѣ Грузин, появившейся въ VI томѣ, 1876 года, Трудовъ Московскаго Археолог. Общ., стр. 260), а затѣмъ объ отдѣльныхъ росписяхъ мы читаемъ уже только самыя немногословныя упоминанія—напримѣръ, такія: «Церковь внутри вся расписана хорошо сохранившимися фресками» (стр. 60, о Лехне), или: «хорошо сохранилась и фресковая живопись; изъ числа изображеній историческихъ лицъ особенно замѣчательны...» (стр. 68)—слѣдуетъ перечень портретовъ ктиторовъ, но о догматической росписи вовсе не упоминается, а рѣчь, между тѣмъ, идетъ о знаменитомъ соборѣ Богородицы Гелатскаго монастыря, о росписи, которая, на стр. 43 того же выпуска «Русскихъ древностей», названа въ числѣ «наиболѣе интересныхъ остатковъ фресковой живописи!» У читателя получается впечатлѣніе, будто росписи кавказскихъ храмовъ совершенно не интересны и не стоять вниманія историка искусства, и читатель не можетъ не укрѣпиться въ этомъ именно взглядѣ, когда найдетъ слѣдующую жестокую общую характеристику грузинской церковной живописи: по мнѣнію автора, она «представляетъ крайній упадокъ византійскаго стиля: до нельзя

преувеличенная длиннота пропорцій, мертвенная, синеватая блѣдность одеждъ и лицъ, грубость рисунка и всѣ недостатки неумѣлой копировки дѣлають то, что видъ фресокъ въ грузинской церкви, особенно, когда онѣ изображаютъ колоссальныя фигуры Христа и апостоловъ, положительно отталкиваетъ зрителя, даже привычнаго къ сухой и суровой византійской живописи». Надо сказать, что и этотъ отрывокъ есть сдѣланная въ 1891 году выписка изъ статьи 1876 года. При такихъ взглядахъ авторовъ на грузинскую живопись совершенно естественно, что въ «Русскихъ древностяхъ» окладу Хахульской, напримѣръ, иконы отведено шестнадцать страницъ и восемь большихъ иллюстрацій, тогда какъ всѣмъ вообще кавказскимъ храмовымъ росписямъ не посвящено и шестнадцати строкъ и ни одного рисунка...

Если же любопытный читатель пожелаетъ павести дальнѣйшія справки въ столь монументальныхъ на видъ «Матеріалахъ» Московскаго Археологическаго Общества, онъ и тамъ не найдетъ сколько-нибудь удовлетворительныхъ описаній кавказскихъ фресокъ. Онъ найдетъ тамъ точныя копии со всякаго обрывка надписи, найдетъ историческія справки о всевозможныхъ царяхъ, царевичахъ, эриставахъ, епископахъ, но относительно росписей долженъ будетъ довольствоваться такими, напримѣръ, краткими и выразительными изреченіями: «на стѣнахъ сохранилась старинная живопись» (VII, стр. 7 и мн. др.), или: «сохранилась только стѣнная живопись византійскаго письма съ церковно-славянскими надписями» (VII, стр. 64; свѣдѣнія о византійскомъ письмѣ фресокъ съ церковно-славянскими надписями настолько интересны, что заслуживали бы большаго вниманія!); или авторъ описанія заявляетъ, что онъ ничего не будетъ говорить о фрескахъ (въ Никорцминдѣ, т. IV, стр. 133), «такъ какъ онѣ весьма грубы и неискусны»; или, наконецъ, читатель находитъ даже воспроизведенными фрагменты фресковой росписи, но въ текстъ читаетъ объ этой же росписи нѣсколько ничего не значащихъ фразъ (IV, стр. 101, рис. 79—80, изъ церкви въ Али). Совершенно ясно, что всѣмъ тѣмъ просвѣщеннымъ любителямъ Кавказа, историкамъ, филологамъ, архитекторамъ, мѣстнымъ патріотамъ и пр., которые наполняли своими трудами томы «Матеріаловъ по археологiи Кавказа», общеисторическіе вопросы, вопросы культурной

исторіи, сложныя проблемы исторіи искусства были вполнѣ чужды, и что они поднятаго о Лебединцевымъ вопроса по достоинству не оцѣнили ¹⁾.

Отсутствие сколько-нибудь подробныхъ свѣдѣній хотя бы объ иконографическомъ составѣ кавказскихъ росписей сильно мѣшаетъ правильной оцѣнкѣ русскихъ росписей. Только немногія композиціи находятся въ такомъ счастливомъ положеніи, что мы опредѣленно можемъ прослѣдить ихъ наличность и въ росписяхъ Кавказа, и одна изъ нихъ—то Причащеніе апостоловъ, которое мы имѣемъ и въ Михайловскомъ Златоверхомъ соборѣ. Если использовать этотъ рѣдкій случай и изслѣдовать эволюцію этого сюжета въ восточномъ христіанскомъ искусствѣ, можно притти къ весьма поучительнымъ выводамъ ²⁾. Оказывается: въ кіевскихъ св. Софій, Михайловскомъ монастырѣ и Кирилловскомъ монастырѣ, можетъ быть, еще и въ Кіево - Печерской лаврѣ, въ Юрьевой божницѣ (о ней рѣчь будетъ ниже), т. е. въ цѣломъ рядѣ хра-

¹⁾ Въ Древностяхъ, Трудахъ И. Московскаго Арх. О., XIII, 1889, въ особомъ приложеніи напечатана «Программа для изслѣдованія древностей Кавказа, составленная И. М. А. О.» Программа изслѣдованія церкви и монастырей (стр. 5—17) состоитъ изъ 44 пунктовъ. Вопросы предлагаются всевозможные. Только одинъ вопросъ 35 (стр. 16) имѣетъ отношеніе къ росписямъ и формулированъ такъ: «Не расписана ли церковь фресками? какого они времени? нѣтъ ли надписей или портретовъ строителей? по возможности описать стѣнопись или снять съ нея фотографическіе снимки». Архитектурные вопросы въ программѣ разработаны любовно и съ несомнѣннымъ знаніемъ дѣла, пояснены, кромѣ того, еще и рисунками; о живописи же нѣтъ никакихъ подробностей, упомянуто о ней лишь вскользь, какъ-бы только для приличія. Такъ что лаконическія отписки «Матеріаловъ по археологіи Кавказа» о росписяхъ не могутъ быть разсматриваемы, какъ случайный дефектъ, зависѣвшій отъ личности путешественника и его вкусовъ, а являются результатомъ систематически проведеннаго пренебреженія къ «грубымъ и неумѣлымъ» кавказскимъ стѣнописямъ.

Н. П. Кондаковъ въ названной выше статьѣ своей о древней архитектурѣ Грузіи, стр. 211—213 и стр. 267—268, прекрасно доказывалъ, что «пора, наконецъ, въ частности, и археологіи Кавказа вообще выйти на научную дорогу: этого требуетъ громадный историческій интересъ, представляемый этою страной и ея памятниками». Статья Н. П. Кондакова была напечатана въ Древностяхъ того же Московскаго Археолог. Общества.

²⁾ Н. В. Покровскій, Евангеліе въ памятникахъ иконографіи и искусства, преимущественно византійскихъ и русскихъ. *Труды VIII археологическаго съѣзда въ Москву* 1890 г., I. СПб., 1892, стр. 276—284; E. Döbber t, Das Abendmahl Christi in der bildenden Kunst. *Repert. f. Kunstw.*, XIV, 1891, p. 451—456, 506—523; ср. также Rohault de Fleury, *La Messe*, IV. Paris, s. a., p. 10—17, pl. CCLVII—CCLXIII, гдѣ есть нѣкоторыя дополненія къ двумъ названнымъ перечнямъ памятниковъ.

мовъ кievской области XI и XII вѣковъ, а также въ Спасо-Мирожской, Старо-Ладожской, Нередицкой и другихъ сѣверныхъ церквахъ, въ алтарѣ на стѣнѣ изображено причащеніе Спасителемъ апостоловъ, между тѣмъ, какъ мы этого сюжета въ константинопольскихъ храмахъ того же времени не встрѣчаемъ; единственнымъ исключеніемъ среди мозаичныхъ росписей является алтарная композиція Серрской Митрополіи, но ея хронологія установленною считается не можетъ, и Н. П. Кондаковъ, напри- мѣръ, относитъ ее «скорѣе всего ко второй половинѣ XIII столѣтія». Но Причащеніе апостоловъ очень обычный въ алтаряхъ кавказскихъ храмовъ сюжетъ... Сама по себѣ иконографія Причащенія апостоловъ опредѣлилась гораздо раньше XI вѣка, но не слѣдуетъ забывать, что только въ Россіи и, опять, на Кавказѣ сюжетъ повторяется постоянно въ особой редакціи, которая весьма существенно отличается отъ типичной константинопольской: въ русскихъ и кавказскихъ репликахъ Христу прислуживаютъ ангелы-діаконы, чего мы нигдѣ въ раннихъ западно-византійскихъ памятникахъ не видимъ. И это не деталь, лишняя значенія, а рѣшительный шагъ по пути къ выработкѣ дальнѣйшей—уже не догматической, а мистической—композиціи, извѣстной подъ названіемъ «Божественной литургіи». Византія не знаетъ причащенія апостоловъ въ кievской редакціи, но потомъ принимаетъ откуда-то композицію «Божественной литургіи» въ готовомъ видѣ. Откуда? Изъ Россіи? Едва ли. Значитъ, по всему вѣроятію, родиною композиціи Божественной литургіи, т. е. тѣмъ мѣстомъ, гдѣ она выработалась, и откуда она, въ разныхъ стадіяхъ своего развитія, проникла и въ Россію, въ видѣ Причащенія апостоловъ съ ангелами-діаконами, и на Западъ, въ видѣ Божественной литургіи, былъ тотъ Кавказъ, гдѣ мы находимъ единственныя аналогіи къ русскимъ росписямъ, или Малая Азія, связи которой и съ Кавказомъ, и съ кievскою Русью несомнѣнны, хотя въ подробностяхъ еще не могутъ быть выяснены.

При такихъ условіяхъ разсмотрѣніе исторіи композиціи Причащенія апостоловъ, разумѣется, перестаетъ быть иконографическимъ этюдомъ второстепеннаго интереса для историка искусства, а становится насущно-необходимымъ, такъ какъ отъ него мы можемъ ожидать указаній для разрѣшенія проблемы и происхожденія искусства русскаго, и корней искусства поздневизан-

тійскаго. Въдъ и эта послѣдняя проблема остается не разгаданною, несмотря на массу ученой литературы, посвященной ей за послѣдніе годы.

Тайная вечеря, естественно, занимала воображеніе уже наиболѣе раннихъ христіанскихъ художниковъ. Обыкновенно ее изображали въ видѣ пиршества. Позднѣе, когда искусство занялось болѣе подробною иллюстраціею евангельскаго повѣствованія, появилась потребность выдѣлить въ живописной повѣсти о послѣднихъ дняхъ земной жизни Спасителя отдѣльные наиболѣе знаменательные моменты. Тогда и единая картина пиршества перестала удовлетворять художниковъ и зрителей, и создаются историческія композиціи, послѣдовательно представляющія и пиршество, собственно вечерю, и омовеніе ногъ, и причащеніе апостоловъ.

У евангелиста Луки мы читаемъ: «Взявъ хлѣбъ и благодаривъ, преломилъ и подалъ имъ, говоря: сіе есть тѣло Мое, которое за васъ предается; сіе творите въ Мое воспоминаніе. Также и чашу послѣ вечера, говоря: сія чаша есть Новый Завѣтъ въ Моей крови, которая за васъ проливается» (XXII, 19—20). Все это случилось «послѣ вечера», т. е. когда уже порядокъ ея нарушился, и участвующіе въ трапезѣ встали. Художникъ, слѣдуя буквально этому тексту, могъ вольно группировать фигуры апостоловъ такъ, чтобы показать именно собственноручность раздачи хлѣба и вина Иисусомъ Христомъ. Характеръ иллюстраціи евангельскаго разсказа, безъ вложенія какихъ бы то ни было догматовъ или символовъ, имѣетъ миниатюра флорентинскаго евангелія 586 года (ев. Рабулы), въ которомъ, на оборотѣ 11 листа, представленъ Спаситель, держащій въ лѣвой рукѣ и какъ-бы прижимающій къ груди Своей чашу, а правую подающій хлѣбъ апостолу Петру, позади котораго столпились остальные десять апостоловъ ¹⁾. Возможно, что приблизительно такова же, только съ еще болѣе сильно выраженнымъ историческимъ и бытовымъ элементомъ, была и мозаика въ константинопольскомъ храмѣ свв. Апостоловъ, которую въ восточномъ сводѣ видѣлъ Николай Месаритъ ²⁾. Описаніе Месарита—риторическое, многословное и вовсе не точное, такъ что

¹⁾ R. Garrucci, Storia, III, pl. 137 2; A. Venturi, Storia dell'arte italiana, I. Milano, 1901, p. 162, fig. 152; фотографія Вентурци, Coll. des Hautes Études C 1401.

²⁾ A. Heisenberg, Grabes-Kirche und Apostel Kirche, zwei Basiliken Konstantins, II. Leipzig, 1908, p. 31—32, 176.

не слѣдуетъ стараться изъ него извлечь филологическимъ толкованіемъ слишкомъ много. Во всякомъ случаѣ, нельзя даже поднимать вопроса о томъ, была ли или не была повторена фигура Христа, симметрично ли или несимметрично были расположены фигуры апостоловъ: изъ словъ Месарита этого не вывести. Если мы желаемъ, всетаки, составить себѣ представленіе о константинопольской мозаикѣ, мы должны исходить не отъ изученія текста Месарита, а отъ тѣхъ причинъ, которыя вызвали выработку той позднѣйшей иконографической редакціи, въ которой фигура Христа помѣщена въ серединѣ и повторена: централизація композиціи, несомнѣнно, вызвана догматизаціею ея, когда понадобилось ей придать характеръ уже не бытовой картинки, а торжественной, монументальной композиціи. Судя по описаніямъ Месарита, этой догматичности и торжественности вовсе еще не было въ мозаикахъ храма Апостоловъ вообще, такъ что нѣтъ никакой надобности дѣлать исключеніе для одной картины Причащенія апостоловъ.

Какъ бы то ни было, сюжетъ этотъ очень рано подвергся стилизаціи, повидному, по образцу распространенной композиціи Величія Господня или передачи Закона. Въмѣстѣ съ тѣмъ, фигура Христа была не только поставлена въ центрѣ, но и повторена. Повтореніе было необходимымъ, разъ было желательно подчеркнуть причащеніе подъ обоими видами: раздавая хлѣбъ, Спаситель дѣйствуетъ обѣими руками и не можетъ самолично причастить еще и другого корифея апостоловъ изъ чаши, которую тоже приходилось держать обѣими руками. Композиція причащенія апостоловъ, собственно говоря, разлагается на двѣ симметричныхъ части, и единство достигается только тѣмъ, что въ каждой части изображается лишь по шести апостоловъ. Догматическій характеръ сказывается въ томъ, что число апостоловъ, удостоенныхъ причащенія, дополняется введеніемъ фигуры еще и апостола Павла, который и тутъ занимаетъ мѣсто, принадлежащее ему въ композиціи Величія, т. е. противъ Петра, по лѣвую руку Христа.

Такая редакція Причащенія апостоловъ довольно часто встрѣчается какъ въ монументальномъ, такъ и въ прикладномъ искусствѣ. Древнѣйшій примѣръ—миніатюра Россанскаго евангелія ¹⁾:

¹⁾ A. Haseloff, *Codex purpureus Rossanensis*. Berlin—Leipzig, 1898, pl. VI—VII; A. Munoz, *Il codice purpureo di Rossano e il frammento Sinopense*. Roma, 1907, pl. VI—VII.

слѣдуютъ: серебряный дискосъ Оттоманскаго музея ¹⁾, миниатюра парижскаго евангелія № 74, листъ 56 об. ²⁾, алтарныя росписи новгородской церкви Николая Гостинопольскаго ³⁾, серрской Митрополи, Волотовской церкви ⁴⁾, Зарзмы ⁵⁾, мистрійскихъ храмовъ Вронтохія ⁶⁾, Перивлепты ⁷⁾, Евангелистріи ⁸⁾, болгарскаго Погановскаго монастыря ⁹⁾ и трехъ кавказскихъ храмовъ, о которыхъ я никакими точными хронологическими свѣдѣніями не располагаю,—Пицунды ¹⁰⁾, Греми ¹¹⁾ и Кинцвиси ¹²⁾; кромѣ того, слѣдовало бы назвать еще нѣсколько иконъ и вышивокъ, напримѣръ—новгородскую икону петроградскаго Музея Императора Александра III ¹³⁾, молдовлашскій шитый воздухъ церкви св. Климента въ Охридѣ ¹⁴⁾, ватиканскую «далматикку» ¹⁵⁾ и др.

И хронологически, и географически перечисленные памятники не отличаются однородностью, и если бы у насъ была только эта группа, разрѣшеніе вопроса о происхожденіи догматической иконографической редакціи было бы чрезвычайно трудно. На помощь приходитъ намъ составъ второй монументальной группы, мистической, въ которую введены ангелы-діаконы.

¹⁾ J. Ébersolt, Le trésor de Stûmâ au Musée de Constantinople. *Revue arch.*, IV sér., XVII, 1911, p. 411—419, pl. VIII.

²⁾ (H. O m o n t), *Evangiles avec miniatures byzantines du XI s.* Paris, 1908, pl. 133.

³⁾ Н. За к р е в с к і й, Описание Кіева. Москва, 1863, табл. XI.

⁴⁾ Н. В. Покровскій, Стѣнныя росписи, стр. 198; В. В. Су слов ъ, Церковь Успенія Пресв. Богородицы въ селѣ Волотовѣ близъ Новгорода, построенная въ 1352 г. *Труды Моск. Предв. Комит. XV арх. с.*, т. II. Москва, 1911, стр. 37—38, рис. 33—34; Л. М а ц у л е в и ч ъ, Церковь Успенія пресв. Богородицы въ Волотовѣ. *Памятники др.-русск. иск. изд. II. А. X.*, вып. IV, СПб., 1912, стр. 13, рис. 16.

⁵⁾ Е. С. Та к а й ш в и л и, Зарзмскій монастырь. *Сборн. мат. для опис. мѣстн. и племень Кавказа*, XXXV, 1905, стр. 53—54.

⁶⁾ G. Millet, *Monuments byzantins de Mistra*, Album. Paris, 1910, pl. 92, 2.

⁷⁾ Millet, l. c., pl. 112, 1—2.

⁸⁾ Millet, l. c., pl. 136, 3.

⁹⁾ Th. Schmit, *Die Malereien des bulgarischen Klosters Poganovo. Byz.-Zeitschr.*, XVII, 1908, p. 124.

¹⁰⁾ R o h a u l t d e F l e u r y, l. c., pl. CCLVIII.

¹¹⁾ R o h a u l t d e F l e u r y, l. c., pl. CCLXII.

¹²⁾ Фотографія Д. Ермакова въ Тифлисѣ, 17706 и 17708.

¹³⁾ И. Г р а б а р ъ, Исторія русскаго искусства, VI, стр. 253.

¹⁴⁾ Н. П. Кондаковъ, Македонія, стр. 272. рис. 186.

¹⁵⁾ В. Прохоровъ—S. Voissegée, Императорская далматика въ соборѣ св. Петра въ Римѣ. *Христіанскія древности и археологія*, 1865, кн. II, табл. II—III; фотографія A l i n a g i, № 26481 и 26482.

Во-первыхъ, рядъ кievскихъ памятниковъ: св. Софія, Михайловскій Златоверхій соборъ, Кирилловскій монастырь ¹⁾, старгородская «Юрьева божница» ²⁾; затѣмъ три кавказскихъ росписи: Ахтала ³⁾, Гелати ⁴⁾, Некреси ⁵⁾; роспись башенной церкви при трапезунтской св. Софiи (свѣдѣнія о ней будутъ въ скоромъ времени сообщены мною въ печати); псковскій соборъ Спасо-Мирожскаго монастыря ⁶⁾, новгородскій Спасъ-Нередица ⁷⁾; рядъ балканскихъ росписей: въ Кральной церкви въ Студеницѣ ⁸⁾, въ

¹⁾ А. В. Праховъ, ук. соч., стр. 17 (мнѣ не ясно, только ли въ Кирилловскомъ соборѣ предполагается первоначальная наличность Причащенія апостоловъ, или композиція существуетъ въ дѣйствительности).

²⁾ Объ этомъ чрезвычайно интересномъ памятникѣ въ литературѣ, насколько я вижу, никакихъ соответствующихъ его значенію свѣдѣній не имѣется. Послѣ того, какъ на X археологическомъ сѣздѣ (рижскомъ) было поднятъ вопросъ объ охранѣ древнихъ памятниковъ, въ «Кіевской Старинѣ» за 1896 г. появилась краткая (въ 11 стр.) статья М. Константиновича, «Развалины Юрьевой божницы въ с. Старгородкѣ». Въ этой статьѣ сообщены лѣтописныя свѣдѣнія о храмѣ, построенномъ, повидимому, Юріемъ Долгорукимъ, разсказана печальная судьба зданія, разрушеннаго только въ XIX вѣкѣ, и описана роспись уцѣлѣвшей какимъ-то чудомъ апсиды такъ: «На стѣнѣ внутри алтаря сохранились фрески, которыя можно довольно ясно различить. Всѣ изображенія раздѣлены на четыре яруса. Въ верхнемъ ярусѣ, на сводѣ алтаря написана Богоматерь съ поднятыми руками, какъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ; по правую сторону архангелъ Михаилъ, по лѣвую архангелъ Гавріилъ. Во второмъ сверху ярусѣ изображено по серединѣ горнее мѣсто, а по обѣимъ сторонамъ его—Спаситель съ ангеломъ и по 6 апостоловъ. Съ одной стороны Спаситель подаетъ апостолу хлѣбъ, а съ другой чашу. Это Тайная вечеря, представленная въ такомъ же видѣ, въ какомъ изображена она и въ Кіево-Софійскомъ соборѣ и въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ. Въ третьемъ ярусѣ, въ ряду оконъ, изображенъ рядъ святыхъ, и, наконецъ, въ нижнемъ ярусѣ штукатурка настолько попорчена, что ничего разобрать невозможно. Украшенія между изображениями и на выдающихся частяхъ стѣнъ, сдѣланныя коричневою краскою, имѣютъ такой же видъ, какъ и въ Кіево-Софійскомъ соборѣ». Въ торжественномъ изданіи черниговскаго епископа Василя «Картины церковной жизни Черниговской епархіи изъ IX-вѣковой ея исторіи», 1911, на стр. 18—20 говорится объ этомъ памятникѣ, но, къ сожалѣнію, ничего новаго къ статьѣ М. Константиновича прибавить авторъ не сумѣлъ. Въ протоколахъ реставраціонныхъ засѣданій II. Археолог. Комиссіи (*Изв.*, XXVI, 1908, стр. 18—20) сообщаются свѣдѣнія объ архитектурѣ развалинъ, но не упомянуто, сохранилось ли еще что-нибудь изъ росписи.

³⁾ Rohault de Fleury, l. c., p. 14, fig.; pl. CCLXI.

⁴⁾ Фотографія Д. Ермакова 5652.

⁵⁾ Rohault de Fleury, l. c., pl. CCLVII; Покровскій, Евангеліе, стр. 281, прим. 1.

⁶⁾ Фотографія О. И. Парли 9—10.

⁷⁾ Памятники древне-русскаго искусства, изд. И. Акад. Худ., I, 1908, стр. 6, табл. II.

⁸⁾ П. П. Покрышкинъ, Православная церковная архитектура XII—XVIII ст. въ нынѣшнемъ Сербскомъ королевствѣ. СПб., 1906, табл. LXIV—LXV.

Трескавць ¹⁾, въ Люботинъ ²⁾, въ Манасинъ ³⁾; наконецъ, вышивки: плащаница солунской церкви Панагуды ⁴⁾, воздуха въ Castell' Arquato ⁵⁾, воздуха суздальскій ⁶⁾ и рязанскій ⁷⁾.

Само собою разумѣется, что иконографическіе перечни были бы много обширнѣе, если бы можно было добыть болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія о цѣломъ рядѣ памятниковъ, преимущественно кавказскихъ, балканскихъ и русскихъ. Причащеніе апостоловъ изображено въ нѣсколькихъ кавказскихъ храмахъ, но мнѣ неизвѣстно, къ какой именно редакціи изображенія эти примыкаютъ: въ Лехнѣ ⁸⁾, Ацхурѣ ⁹⁾, Атени ¹⁰⁾, Икоргѣ ¹¹⁾, ц. св. Саввы ¹²⁾, ц. Успенія ¹³⁾ и ц. св. Марины ¹⁴⁾— всѣ три въ Сафарскомъ монастырѣ, въ Хонской церкви ¹⁵⁾, въ Шемокмеди ¹⁶⁾, въ Дчулеби ¹⁷⁾, въ греческой церкви въ Анн ¹⁸⁾; сюда же относятся еще два кавказскихъ памятника: гелатская

¹⁾ П. Н. Милюковъ, Христіанскія древности западной Македоніи. *Изв. Русск. Археолог. Инст. въ Константинополь*, IV 1, 1899, стр. 116.

²⁾ Кондаковъ, Македонія, стр. 179; Милюковъ, ук. соч., стр. 130.

³⁾ Покрышкинъ, ук. соч., табл. ХСІ а.

⁴⁾ M. Le Tourneau et G. Millet, Un chef d'oeuvre de la broderie byzantine. *Bull. de corr. Hell.*, XXIX, 1905, p. 259—268, pl. XIV—XVI; Кондаковъ, Македонія, стр. 141—142, рис. 83—84.

⁵⁾ A. Venturi, Storia dell'arte italiana, II. Milano, 1902, p. 502—503, и рис. 355—356 на стр. 508—509.

⁶⁾ В. Н. Щепкинъ, Памятникъ золотого шитья начала XV вѣка. *Древности, Труды И. М. А. О.*, XV, I, 1894, стр. 35—68, табл. VI—VIII.

⁷⁾ Закревскій, Описание Кіева, табл. XI; Щепкинъ, ук. ст., стр. 44.

⁸⁾ *Матеріалы по археологіи Кавказа*, IV, 1894, стр. 15.

⁹⁾ Тамъ же, стр. 91.

¹⁰⁾ Тамъ же, стр. 151; ср. Толстой и Кондаковъ, Русскія древности, IV, стр. 48.

¹¹⁾ Тамъ же, стр. 157.

¹²⁾ Тамъ же, стр. 84, табл. XXXIV.

¹³⁾ Тамъ же, стр. 88; ср. Такайшвили, ук. соч., стр. 90.

¹⁴⁾ Тамъ же, стр. 88; ср. Такайшвили, ук. соч., стр. 90.

¹⁵⁾ Д. Баградзе, Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства. *Записки Общ. любителей кавказской археологіи*, I, 1875, стр. 157.

¹⁶⁾ А. П. Эйснеръ, Памятники старины юго-западнаго Кавказья. *Труды Всеросс. съѣзда художниковъ* 1911—1912 г. СПБ., 1915, I, стр. 88.

¹⁷⁾ Такайшвили, ук. соч., стр. 106.

¹⁸⁾ Баградзе, ук. соч., стр. 56; возможно, что болѣе подробныя свѣдѣнія о росписи содержатся въ недоступныхъ мнѣ здѣсь въ Харьковѣ сочиненіяхъ M. F. Grosset, Les ruines d'Ani, capitale de l'Arménie sous les rois Bagratides, aux X et XI s. СПБ., 1860—1861, стр. 13—16, илл. А. Н. Муравьева, Грузія и Армения, СПБ., 1848, II, стр. 276—278.

митра ¹⁾ и гелатскій свитокъ литургіи Іоанна Златоуста ²⁾. Изъ балканскихъ росписей слѣдуетъ назвать фрески: въ Марковомъ монастырѣ ³⁾, въ Младо-Нагоричѣ и Старо-Нагоричѣ ⁴⁾, въ Матейцахъ ⁵⁾ и въ Раваницѣ ⁶⁾. Наконецъ, необходимо отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ русскихъ храмахъ имѣются остатки фресокъ, изображавшихъ Причащеніе апостоловъ: въ полоцкой св. Софїи ⁷⁾, гдѣ сохранились лишь «части изображеній апостоловъ, повидимому, изъ композиціи Евхаристіи», въ старо-ладожской церкви св. Георгія ⁸⁾, гдѣ «отъ изображенія Евхаристіи въ главной абсидѣ сохранилась лишь часть престола и двѣ ноги (одна Спасителя, а другая апостола)», въ церкви св. Θεодора Стратилата въ Новгородѣ ⁹⁾, въ которой отъ Евхаристіи сохранились лишь головы апостоловъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что, при болѣе обширномъ знакомствѣ съ памятниками, приведенные списки памятниковъ могли бы быть дополнены и, можетъ быть, даже значительно. Однако, даже и въ приведенномъ видѣ списки эти даютъ богатый матеріалъ для историческихъ размышленій, и самый списокъ ближе иконографически не опредѣлимыхъ репликъ не лишенъ поучительности: если мы, при совершенно неудовлетворительной освѣдомленности о кавказскихъ росписяхъ, тѣмъ не менѣе можемъ перечислить значительное количество случаевъ, когда въ алтаряхъ именно

¹⁾ Н. П. Кондаковъ, *Опись памятниковъ древности въ нѣкоторыхъ храмахъ и монастыряхъ Грузіи*. СПб., 1890, стр. 41, рис. 26; на стр. 38, № 25, говорится кратко: «XVII в., Причащеніе изъ рукъ архіерея І. Х.».

²⁾ Кондаковъ, *Опись*, стр. 53, № 45.

³⁾ Милюковъ, *ук. соч.*, стр. 136; Кондаковъ, *Македонія*, стр. 185.

⁴⁾ Кондаковъ, *Македонія*, стр. 194 и 198.

⁵⁾ Кондаковъ, *Македонія*, стр. 199.

⁶⁾ Покрышкинъ, *ук. соч.*, табл. XXVI, стр. 65; фотографическій снимокъ не удовлетворителенъ, и нельзя сказать съ увѣренностью, есть ли ангелы, или ихъ нѣтъ, а въ текстъ на это обстоятельство не обращено вниманія.

⁷⁾ К. Шероцкіи, *Софійскій соборъ въ Полоцкѣ. Записки Отд. русской и слав. археологій И. Русск. Археолог. Общ.* X, 1915, стр. 90.

⁸⁾ Н. Е. Бранденбургъ и В. В. Сусловъ, *Старая Ладога*. СПб., 1896, стр. 321.

⁹⁾ Н. Л. Окуневъ, *Вновь открытая роспись церкви св. Θεодора Стратилата въ Новгородѣ. Извѣстія И. Арх. Ком.м.*, XXXIX, 1911, стр. 93. Какъ отмѣчаетъ Н. Л. Окуневъ, рисунокъ И. И. Горностаева, опубликованный В. В. Сусловымъ въ *Памятникахъ древне-русскаго искусства*, изд. И. Академіи Худож., вып. II, 1909, стр. 32, рис. 51, воспроизводитъ фреску не церкви Θεодора Стратилата, а собора Спасо-Мпрожскаго монастыря.

кавказскихъ церквей мы находимъ изображеніе Причащенія апостоловъ, это едва ли можетъ быть объяснено простою случайностью. Но намъ еще придется вернуться къ вопросу о Кавказѣ. Сначала обратимся къ тѣмъ памятникамъ, иконографическая характеристика коихъ нами выяснена, и рассмотримъ ихъ группировку.

Первое, на что слѣдуетъ обратить вниманіе,—параллельное сосуществованіе, наряду съ вырабатывающимися со временемъ новыми редакціями, и старыхъ, подвергающихся явному воздѣйствію со стороны новыхъ. Сосуществованіе это объясняется лишь въ томъ случаѣ, если сюжетъ изъ одного центра искусства переносился въ другой, отсюда въ третій, и при каждомъ такомъ перенесеніи перерабатывался согласно вкусамъ новой среды, оставаясь неизмѣннымъ у себя на родинѣ. При новомъ оживленіи сношеній между художественными центрами разныя иконографическія редакціи сюжета сталкиваются, примѣняются одна къ другой или противопоставляются одна другой. Когда первоначальная историческая, бытовая картинка была догматизована и, слѣдовательно, перекомпонована, она вовсе не исчезла: отголоски ея мы находимъ и впослѣдствіи; и когда Причащеніе выродилось окончательно въ Божественную литургію, а эта послѣдняя разложилась, опять-таки, на новыя глубоко-мистическія композиціи Великаго входа и «Расчлененія» (*ὁ Μελισσός*), старая историческая картинка, въ которой, какъ въ буквальной иллюстраціи евангельскаго разсказа, очевидно, чувствовалась потребность, появляется вновь. Мы извѣстены цѣлый рядъ позднихъ болгарскихъ фресокъ, гдѣ изображено Причащеніе апостоловъ, но, въ противовѣсъ мистической Божественной литургіи, съ ярко выраженнымъ стремленіемъ къ натурализму, къ грубоватому простонародному юмору. Но, конечно, при вторичномъ странствованіи своемъ историческая редакція является сильно измѣненной, позаимствовавъ многое изъ догматической композиціи; она теперь централизована, строчна, обогащена киворіемъ, трапезою и т. д.

Историческая трактовка Причащенія апостоловъ прочно держалась въ томъ именно родѣ искусства, который сохранилъ вообще наибольшую независимость отъ монументальной храмовой живописи: въ миниатюрахъ псалтирей «популярнаго» типа, съ иллюстраціями на поляхъ рукописи. Тутъ фигура Христа обыкновенно

не повторяется. Но такъ какъ требуется изобразить причащеніе непременно подъ обоими видами, а собственноручнаго причащенія Спасителемъ апостоловъ безъ повторенія фигуры Христа нельзя представить, то миниаторы должны были напрягать свою фантазію. Въ качествѣ примѣра того, какъ художники выходили изъ затруднительнаго положенія, можно назвать иллюстрацію московской Хлудовской псалтири ¹⁾. Христосъ, стоя за престоломъ, подъ киворіемъ, обратившись налѣво (съ точки зрѣнія зрителя), даетъ хлѣбъ апостолу Петру, за которымъ, низко склонившись, подходятъ другіе пять апостоловъ, а направо Павелъ пьетъ изъ чаши, которую держитъ собственноручно; прочіе апостолы ожидаютъ очереди; обрамлена картинка фигурами Давида и Мелхиседека. Эти двѣ послѣднія фигуры изъ псалтирей проникаютъ и въ монументальную храмовую роспись: такъ, въ Зарэмѣ, вслѣдъ за апостолами идутъ Іефѣай, Гедеонъ, Даніилъ, Іезекиль, а въ Вологовѣ—пѣснопѣвецъ въ чалмѣ (Іоаннъ Дамаскинъ), на свиткѣ котораго написано: «Пиво ново паче словесе азъ рече во царствіи † ХС другомъ испію яко Богъ святыи есмь», и Косма Маюмскій, надпись на свиткѣ котораго гласитъ такъ: «Странствія владычня и безсмертныя трапезы на горнемъ мѣстѣ высокими умы вѣрніи приидите воспримемъ въ шедш... слово отъ слово научившесе, его же величаемъ».

Приблизительно такъ же, какъ въ Хлудовской псалтири, Причащеніе апостоловъ изображено и въ псалтири № 61 Аеоно-Пантократора монастыря ²⁾; дальнѣйшія подобныя изображенія указаны Е. Доббертомъ — миниаторы студійской псалтири

¹⁾ Н. П. Кондаковъ, Миниатюры греческой рукописи псалтири IX вѣка изъ собранія А. И. Хлудова. *Древности, Труды Моск. Арх. Общ.*, VII, 1878, табл. VI 2.—На стр. 176, по поводу интересующей насъ миниатюры, Н. П. Кондаковъ говоритъ буквально слѣдующее: «Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ здѣсь древнѣйшее изображеніе символическаго сюжета, перешедшаго въ X—XI вѣкахъ въ мозаики алтарей Сидиліи, Кіево-Софійскаго собора и пр.». А въ выноскѣ къ этимъ словамъ прибавляетъ: «См. въ изд. Gravina, Marzo, Buscemi, и пр.; изд. Кіевскихъ мозаикъ». Мнѣ не удалось найти ни у указанныхъ въ цримѣчаніи авторовъ, ни въ иныхъ источникахъ, свѣдѣній о сицилійскихъ росписяхъ X или XI вѣковъ вообще, тѣмъ менѣе о такихъ росписяхъ, гдѣ было бы изображено Причащеніе апостоловъ...

²⁾ Н. Brockhaus, *Die Kunst in den Athoskloestern*. Leipz., 1891, pl. XVII.

Британскаго музея (add. 19352 Borell) 1066 года ¹⁾, Барбериновской псалтири № 217 (Gr. III 91) XII вѣка ²⁾, коптскаго евангелія № 13 парижской Національной библіотеки 1173 года ³⁾ и др. Въ монументальныхъ церковныхъ росписяхъ такой чисто-историческій переводъ, съ не повторенною фігурою Христа, если и встрѣчается—напримѣръ: въ Великой церкви въ Студеницѣ ⁴⁾ и въ Ерминіи Діонисія Фурноаграфіота,—то только въ видѣ исключенія.

Зато въ рядѣ позднѣйшихъ памятниковъ появляется такая подробность, которая сразу выдаетъ историческій, иллюстративный характеръ композиціи: такъ какъ, по разсказу евангелиста Луки, Иуда вышелъ лишь послѣ причащенія апостоловъ, то въ изображеніе причащенія вводится фигура Предателя—и въ Кральной церкви въ Студеницѣ, и въ Волотовской церкви, и въ церкви Θεодора Стратилата, и на плащаницѣ церкви Панагуды; въ позднѣйшихъ росписяхъ Аѳона фигура Иуды даетъ поводъ ко всевозможнымъ мудрованіямъ живописца или его заказчиковъ-вдохновителей.

Откуда идетъ эта струя историческая и бытовая? Вопросъ этотъ рѣшится окончательно тогда, когда рѣшится вопросъ о родинѣ псалтирей того рода, представительницею котораго является псалтирь Хлудовская. Вопросъ рѣшится тогда, когда исторія византійскаго искусства станетъ тѣмъ, чѣмъ ей быть надлежитъ,—одною изъ главъ всемірной исторіи искусства, и когда историки византійскаго искусства, въ концѣ концовъ, придутъ къ убѣжденію, что и они обязаны считаться съ психологическою основою

¹⁾ Памятникъ этотъ не изданъ, хотя на него обратили вниманіе еще Ваагевъ и Пиперъ: G. F. Waagen, *The treasures of art in Great-Britain, Supplement: Galleries and cabinets of art in Great-Britain.* London, 1857, p. 7—21; F. Piper, *Verschollene und aufgefundene Denkmäler und Handschriften. Studien u. Kritiken*, XXXIV, 1861, p. 478—488; упоминаетъ о немъ и Н. П. Кондаковъ, *Histoire de l'art byzantin considéré principalement dans les miniatures*, trad. p. M. Trauwinski, I. Paris, 1886, p. 172; G. Millet, *L'art byzantin* (A. Michel, *Histoire de l'art depuis les premiers temps chrétiens jusqu'à nos jours*, I. Paris, 1905), p. 225; J. J. Tikkanen, *Die Psalterillustration im Mittelalter*, I. Helsingfors, 1895, p. 12.

²⁾ Объ этой псалтири писалъ еще Ө. И. Буслевъ въ корреспонденціи изъ Рима отъ 16/28 января 1875 г., помѣщенной въ *Вѣстникъ Общества древнерусскаго искусства при Московскомъ Публичномъ Музее*, изд. подъ ред. Г. Филимонова, 1874—1876, Смѣсь, стр. 67—72; ср. Кондаковъ, *Histoire*, p. 171—172; Tikkanen, l. c.

³⁾ Доббертъ, ук. соч., стр. 511, рис. 47.

⁴⁾ Покрышкинъ, ук. соч., табл. XXII—XXIII.

всякаго художественнаго творчества. Искусство вовсе не есть продуктъ сознательнаго творчества художниковъ, а есть отраженіе массовой, коллективной души народной. Эта душа не измѣняется въ глубинахъ своихъ отъ того, что данный народъ политически процвѣтаетъ или сталъ рабомъ другого народа. Когда мы разбираемъ исторію византійскаго искусства, мы никогда не должны забывать, что тѣ народы, которые входили въ составъ Византійской имперіи, имѣли собственную многовѣковую исторію задолго до того момента, когда народилась Византія и поработила ихъ. Если мы желаемъ понять многообразіе теченій, составляющихъ византійское искусство, мы должны не гадать, не строить поспѣшныхъ заключеній на томъ или другомъ, быть можетъ и случайномъ, фактѣ, а должны спросить исторію искусства древняго Востока: она дастъ недвусмысленный отвѣтъ на наши вопросы ¹⁾.

Душа, которая сказывается въ миниатюрахъ евангелія Рабулы и въ рисункахъ на поляхъ псалтирей,—душа семита. Семиты во всѣ времена отличались своеобразнымъ, конкретнымъ строемъ воображенія и страстнымъ темпераментомъ, которые затрудняютъ работу отвлеченной мысли. Истину семиты преимущественно облачаютъ въ форму притчи, т. е. образа, конкретного случая; догматы семиты интересуютъ меньше любого анекдота изъ жизни священнхъ лицъ. Воображеніе семита создало безчисленныя, не всегда догматически (для холодной мысли) приемлемыя легенды отреченныхъ книгъ о рожденіи и дѣтствѣ Богородицы, о дѣтствѣ Христа, о сошествіи Спасителя во адъ и о хожденіи Богородицы по мукамъ, о жизни и смерти апостоловъ, о святыхъ и др. Только семитъ, по поводу каждаго стиха псалтири, могъ сейчасъ же вспоминать, по ассоціаціи, какой-нибудь случай изъ священной исторіи. Художественная психологія семита дѣлаетъ несомнѣннымъ выводъ о месопотамскомъ или сирійскомъ, во всякомъ случаѣ—семитскомъ происхожденіи псалтири съ иллюстраціями на поляхъ и безъ обрамленія. Выводъ этотъ основанъ на всевозможныхъ обще-историческихъ и географическихъ данныхъ; исторію искусства слѣдовало бы признать за своею наукою право

¹⁾ Попытка использовать историко-художественный матеріалъ для построенія характеристикъ народовъ древняго Востока сдѣлана въ моемъ введеніи къ курсу всеобщей исторіи искусствъ — Законы исторіи, I. Харьковъ, 1916.

на собственный методъ стилистико-психологическаго анализа, методъ, основанный на свойствахъ того именно матеріала, надъ которымъ работаетъ исторія искусства.

Догматическое искусство порождено не игрою воображенія, не чувствомъ, не волею, а философствующимъ умомъ. Когда мы видимъ, что семитскій анекдотъ, историческая, бытовая картинка перерабатывается въ композицію, цѣль которой—сдѣлать наглядною, пояснить отвлеченную мысль; когда мы видимъ, какъ въ беспорядочную толпу, нарисованную семитомъ, вносится порядокъ, ритмъ, логика, какъ обдумывается всякая подробность и получаетъ свой смыслъ, какъ вся картина перекомпоновывается по законамъ декоративнаго искусства,—тогда мы въ правѣ задать опредѣленный вопросъ: которому изъ народовъ, вошедшихъ въ составъ Византійской имперіи, всегда были свойственны именно эти качества—логика, ритмъ, декоративное чувство? Мы отвѣтимъ безъ труда: таковы отличительные признаки искусства эллинскаго. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что догматическая редакція композиціи Причащенія апостоловъ носить на себѣ явственный отпечатокъ греческаго гения, и мы имѣемъ право признать тѣ росписи, гдѣ Причащеніе апостоловъ дано въ догматическомъ переводѣ, греческими, константинопольскими. Впрочемъ, только такое географическое опредѣленіе композиціи можетъ объяснить распространенность ея: Болгарія, Македонія, Пелопоннесъ съ одной стороны, съ другою—Кавказъ, а съ третьей—сѣверная Русь XIV и слѣдующихъ вѣковъ.

Но, если историческая картинка Причащенія апостоловъ создана воображеніемъ семита, догматическая—эллинскимъ любознательнымъ, то мистическая композиція порождена типичнымъ малоазійскимъ стремленіемъ слиться съ божествомъ еще здѣсь, на землѣ, уничтожить грань между земнымъ и потустороннимъ. Вѣдь Малая Азія всегда была родиною таинственныхъ мистическихъ и оргіастическихъ культовъ. Требуется только выяснить, соответствуетъ ли предположеніе о малоазійскомъ происхожденіи причащенія апостоловъ съ ангелами-діаконами географическому распространенію композиціи: Кавказъ, Россія (преимущественно кievская), Балканы.

О Кавказѣ, конечно, особенно распространяться не прихо-

дится; его постоянныя и тѣсныя культурныя связи съ Малою Азіею не могутъ подлежать сомнѣнію.

Относительно Балканскаго полуострова вопросъ тоже стоитъ достаточно ясно. Не надо вѣдь забывать, что еще въ VIII вѣкѣ Фракія и южная Болгарія были мѣстами, куда Константинъ Копронимъ направлялъ массы высылаемыхъ изъ Сиріи, изъ Арменіи еретиковъ манихеевъ-павликіанъ, и Филиппополь (нынѣшній Пловдивъ) сталъ средоточіемъ этихъ азіатскихъ поселеній на Балканскомъ полуостровѣ. Несомнѣнно, эти поселенія расцвѣли и разбогатѣли и разнесли свою культуру по всей странѣ. Поэтому не удивительно, что Болгарія стала разсадникомъ павликіанской ереси для всей Европы, такъ что западные средневѣковые тексты всю ересь называютъ опредѣленно «*haeresis Bulgarorum*», и во французскомъ языкѣ до сихъ поръ живо слово «*bougre*» (испорченное «*bulgare*»), какъ бранное слово. Императоръ Василій «Македонянинъ» былъ армяниномъ изъ-подъ Адрианополя, и армянское свое происхожденіе и не думалъ скрывать: чтобы польстить Василію, патриархъ Фотій не могъ ничего лучшаго придумать, какъ возвести его родословную къ армянскому царю Тиридату. Что фракійскіе и болгарскіе армяне тысячею нитей были связаны со своею родиною, съ нею были въ постоянныхъ сношеніяхъ, продолжали жить своими народными традиціями и пр., не можетъ конечно, подлежать сомнѣнію. Отсюда у оставшихся на насиженныхъ мѣстахъ въ Азіи армянъ постоянное тяготѣніе къ Балканскому полуострову и постоянный притокъ новыхъ азіатскихъ выходцевъ въ Болгарію. На территоріи нынѣшней Болгаріи найденъ цѣлый рядъ кавказскихъ памятниковъ. До сихъ поръ процвѣтаютъ въ Болгаріи, хотя теперь и утратившіе, конечно, давнымъ-давно первоначальный характеръ и языкъ, монастыри, основанные еще въ X—XI вѣкахъ чистокровными грузинами (ср. Бочковскій монастырь въ Родопскихъ горахъ, построенный въ X в. Григоріемъ Пакуріаномъ и остававшійся грузинскимъ въ теченіе многихъ вѣковъ); на далекомъ Аѳонѣ, который въ культурномъ развитіи и балканскихъ и русскихъ славянъ сыгралъ столь значительную роль, основывается Иверскій монастырь, грузинскій по личности основателя и по составу братіи, одинъ изъ наиболѣе блестящихъ монастырей Святой Горы.

По какъ могло проникать искусство Кавказа и Малой Азии въ Кіевскую Русь? Историки Россіи до сихъ поръ слишкомъ мало интересовались тѣми хазарами, власть которыхъ распростиралась вѣдь также и на приднѣпровскую Русь, пока князья кіевскіе не разбили кочевниковъ и не уничтожили ихъ столицы; слишкомъ мало обращено вниманія и на Русь тмутараканскую, которая въ началѣ XI вѣка своимъ политическимъ значеніемъ едва ли не превосходила Русь кіевскую и могла посредничать между Кіевомъ и Востокомъ.

Владѣнія хазаръ были на нижней Волгѣ и на Дону, доходили и до Урала, а на югѣ до Кавказскихъ горъ, причемъ именно въ Прикавказьѣ находилась первоначальная и древняя ихъ столица Баланжаръ. Происхожденіе хазарской народности неизвѣстно,—ихъ одни считаютъ тюрками, другіе финнами, третьи помѣсью. Кромѣ самихъ хазаръ, въ составъ хазарскаго царства входили славяне, евреи и т. д. Столь же пестрымъ, какъ этнографическій составъ, представляется и религіозный составъ: были тутъ и язычники, и мусульмане, и въ большомъ количествѣ христіане, при дворѣ же исповѣдывалась еврейская вѣра. Всѣ эти факты показываютъ, что своей собственной, самобытной культуры хазары не выработали, но подвергались самымъ разнообразнымъ постороннимъ вліяніямъ сосѣдей. Иначе не могло и быть: вслѣдствіе необыкновенно выгоднаго географическаго положенія своей страны, хазары вели обширную торговлю и съ камскою Болгарією, и съ Русью, и съ персидско-арабскимъ Востокомъ. И не только хазары сами торговали, но и купцы иныхъ народностей не могли миновать хазарской страны, если желали торговать: черезъ Хазарію шла вся торговля Руси со среднею Азією. Въ IX вѣкѣ хазары владѣли полянами, сѣверянами, радимичами, вятичами, и всѣ эти племена платили имъ дань.

Къ сожалѣнію, раскопачная дѣятельность русскихъ ученыхъ учрежденій еще чрезвычайно мало коснулась юго-восточной окраины Руси, и ни города, ни могильники ея не изслѣдованы систематически, а между тѣмъ, они могли бы пролить свѣтъ на вопросъ о хазарской культурѣ и объ ея значеніи для культуры кіевской. Внимательно, съ необходимымъ знаніемъ дѣла, былъ вскрытъ только Салтовскій могильникъ въ Харьковской губерніи, и очень интересно и знаменательно, что и по обряду погребенія,

и по инвентарю салтовское погребеніе оказалось совершенно тождественнымъ съ могильниками сѣвернаго Кавказа—Чми, Кумбульта и др. Предметы вооруженія и украшенія, какъ, напримѣръ, зеркала, монеты, бляшки, сосуды,—одинаковы¹⁾. Когда же, наконецъ, настанетъ время раскопки и прочихъ кургановъ и городищъ! Вѣдь ясно, что одно книжное изученіе военно-политическихъ, экономическихъ и юридическихъ фактовъ, использовавъ (сравнительно немногочисленные) лѣтописные и иные тексты, не можетъ доставить исчерпывающаго и безспорнаго отвѣта на тѣ важнѣйшіе вопросы, съ которыхъ начинается исторія Россіи, какъ и исторія всѣхъ культурныхъ странъ. Документальная исторія вездѣ начинается тогда, когда самый интересный историческій періодъ, пора рожденія новаго историческаго фактора, уже безвозвратно законченъ; только археологія и исторія искусства могутъ проникать въ процессъ формированія народовъ. Столь простая истина понята и принята у насъ, пока дѣло касается доисторической и классической древности: въ античныхъ колоніяхъ побережья Чернаго моря раскопки ведутся, и на эту работу есть и люди, и деньги. Русская же исторія признается, видимо, какою-то особенною, или жаль на нее средствъ и людей...

Подъ 1022 годомъ лѣтописецъ совершенно неожиданно рассказываетъ о Мстиславѣ Храбромъ, «братѣ» Ярослава: «Въ си же времена Мъстиславу суццю Тмуторокани поиде на касогы» и т. д. Повѣствуется, какъ Мстиславъ побѣдилъ и зарѣзалъ Редедю князя касожскаго, «и шедъ в землю его, взя все имѣнье его и жену его и дѣти его, дань възложи на касогы. И пришедъ Тмутороканю, заложи церковь святыя Богородица, и созда ю, яже стоитъ и до сего дне Тьмуторокани». О касогахъ мелькомъ упоминается подъ 965 годомъ, по поводу хазарскаго похода Святослава. О Мстиславѣ говорилось, что онъ въ 988 г. былъ посаженъ въ Тмутаракани. Но гдѣ именно Тмутаракань, кто такіе касоги, лѣтописецъ не объясняетъ. Затѣмъ, подъ 1023 годомъ, онъ кратко сообщаетъ: «Поиде Мъстиславъ на Ярослава, с козары и съ касогы». А въ 1024 г. «Ярославу суццю Новѣгородѣ, приде Мъстиславъ ис Тьмутороканя Кыеву, и не прияша его кыяне; онъ же шедъ сѣде на столѣ Черниговѣ, Ярославу суццю Новѣгородѣ тогда... Ярославъ... посла за море по варягы; и приде Якунъ с

¹⁾ Д. Багалъй, Русская исторія, I. Москва, 1914, стр. 114.

варягы... къ Ярославу; и иде Ярославъ съ Якуномъ на Мъстислава, Мъстиславъ же слышавъ взиде противу има к Листвену... и бысть съча силна и страшна. Видѣвъ же Ярославъ, яко побѣжаемъ есть, побѣже съ Якуномъ, княземъ варяжъскимъ... И посла Мъстиславъ по Ярослава, глаголя: «сяди Кыевъ, ты еси старѣйшей братъ, а мнѣ буди си сторона»; и не смяше Ярославъ ити в Кыевъ, дондеже смирилася. И сѣдѣше Мъстиславъ Черниговъ, а Ярославъ Новѣгородъ, и бѣяху Кыевъ мужи Ярославли». Въ 1026 году «Ярославъ совокупи воя многы, и приде Кыеву, и створи миръ с братомъ своимъ Мъстиславомъ у Городьця. И раздѣлиста по Днѣпръ Русьскую землю: Ярославъ прия сю сторону, а Мъстиславъ ону; и начаста жити мирно и в братолюбствѣ, и уста усобица и мятежъ, и бысть тишина велика в земли».

Одного этого лѣтописнаго разказа о томъ, какъ тмудараканскій князь, явившійся изъ невѣдомой Тамани, захватилъ всю Русь на востокъ отъ Днѣпра и правилъ ею до самой своей кончины, до 1036 года, достаточно, чтобы показать, что Кіевъ въ началѣ XI вѣка вовсе не былъ внѣ предѣловъ досягаемости для кавказскаго культурнаго воздѣйствія. Наоборотъ: Кубань, Азовское море, Донъ — или Кубань, Черное море, Днѣпръ — или наконецъ, прямой морской путь изъ Малой Азіи черезъ Корсунъ (по лѣтописи, этимъ именно путемъ проѣхалъ въ Россію и черезъ Россію апостоль Андрей Первозванный изъ Синопа) соединяли Кіевъ съ Кавказомъ. Мстиславъ воюетъ, какъ мы только что видѣли, съ касогами, и эти же касоги составляютъ затѣмъ его дружину. Память о касогахъ жива и до сего дня въ томъ названіи «касыгъ», которымъ горцы-чеченцы обозначаютъ сѣверянъ-русскихъ; да и слово «казаки», судя по созвучію, тоже содержитъ воспоминаніе о касогахъ. Значить, касоги были племенемъ, жившимъ въ сѣверныхъ прикавказскихъ степяхъ. И вотъ эти кавказцы составляли, по лѣтописи, дружину черниговскаго князя.

Если же не ограничивать поиски предѣлами лѣтописи, а привлечь и другіе историческіе источники, то значеніе тмудараканской Руси для исторіи русской культуры, еще больше возрастаетъ. Уже въ началѣ IX вѣка, судя по житіямъ свв. Стефана Сурожскаго и Георгія Амастридскаго, тмудараканская Русь была сильною черноморскою державою; въ 860 г. Русь эта совершила набѣгъ на Константинополь, неудачный, но нагнавшій

такого страху на Византію, что отраженіе набѣга было объяснено чудеснымъ вмѣшательствомъ Богородицы, и въ память этого событія былъ установленъ справляемый и до сихъ поръ въ Россіи праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы. Но черноморская Русь славилась вовсе не одними пиратскими подвигами: она достигла сравнительно высокаго уровня культуры. Въ житіи свв. Кирилла и Меѳодія повѣствуется о томъ, что св. Кириллъ, командированный константинопольскимъ правительствомъ въ Хазарію, на пути, въ Корсуни, повстрѣчался съ «русиномъ», который оказался владѣльцемъ евангелія и псалтири, писанныхъ на русскомъ языкѣ и русскими буквами. Христіанство распространилось среди тмутараканской Руси еще во второй половинѣ IX вѣка, была у нихъ и своя епископія. Даже словесности, повидимому, они не вовсе были чужды: существуетъ въ нѣсколькихъ спискахъ, между прочимъ въ Кормчей XIII вѣка, такъ называемый уставъ Владиміра «о судѣхъ церковныхъ и десятинѣ», признаваемый проф. Суворовымъ и Голубинскимъ подложнымъ, по той, главнымъ образомъ, причинѣ, что въ этомъ уставѣ авторъ говоритъ о себѣ, что онъ принялъ христіанство отъ патріарха Фотія. Правда, Владиміръ отъ Фотія крещенія не принималъ, но отъ Фотія приняла крещеніе именно тмутараканская Русь, послѣ того набѣга на Царьградъ, о которомъ мы только что упоминали. Нѣтъ ничего невозможнаго и невѣроятнаго въ томъ предположеніи, что Владиміровъ уставъ былъ заимствованъ изъ Тмутаракани, и что переписчики его и редакторы оставили исторически неумѣстное имя патріарха Фотія потому, что оно санкціонировало уставъ. Указаніемъ на уставъ я, конечно, вовсе не хочу сказать, что онъ цѣликомъ, въ томъ видѣ, въ какомъ дошелъ до насъ, есть лишь копія тмутараканскаго: первоначальный оригиналъ могъ быть переработанъ, дополненъ, измѣненъ до неузнаваемости, по частямъ или цѣликомъ, понемногу или сразу,—объ этомъ судить не мнѣ; но о тмутараканскомъ оригиналѣ свидѣтельствуетъ, во всякомъ случаѣ, имя патріарха Фотія.

Наряду съ этими извѣстіями, касающимися, главнымъ образомъ, западныхъ сношеній тмутараканской Руси, мы располагаемъ о ней и рядомъ арабскихъ свидѣтельствъ. Мы узнаемъ, что во второй половинѣ IX вѣка тмутараканская Русь совершаетъ далекіе походы и на Востокъ: русскія суда изъ Азовскаго моря под-

нимаются по Дону, оттуда волокомъ перебираются на Волгу, по ней спускаются въ Каспійское море и направляются къ южнымъ берегамъ его въ Табаристанъ. Такимъ образомъ, Русь знаетъ хорошо не только Предкавказье (касоговъ и хазарь), но и Закавказье. Разумѣется, съ Востокомъ тмутараканская Русь вступаетъ не только въ военную борьбу, но ведетъ и торговлю. О тмутараканской Руси (а можетъ быть, впрочемъ, и о сѣверныхъ славянахъ) говорить ибн-Хордадбѣ, писавшій въ 60—70 годахъ IX вѣка, что они, «если желаютъ, то ходятъ по славянской рѣкѣ (Волгѣ), проходятъ по заливу хазарской столицы, гдѣ владѣтель ея беретъ съ нихъ десятину. Затѣмъ они ходятъ по морю Джурдана (юговосточная часть Каспійскаго моря) и выходятъ на любой имъ берегъ... иногда же они привозятъ свои товары на верблюдахъ въ Багдадъ».

Всѣ эти свѣдѣнія, идущія изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, рисуютъ яркую картину бурной жизни тмутараканской Руси, которая должна была находить отраженіе въ матеріальной ихъ культурѣ и въ искусствѣ. Приходится горько пожалѣть о томъ, что и въ области, гдѣ когда-то жила эта старѣйшая культурная отрасль русскаго племени, до сихъ поръ не было произведено систематическихъ и исчерпывающихъ раскопокъ ¹⁾.

Мало изслѣдована въ археологическомъ отношеніи и та область Россіи, въ которой наиболѣе сильно сказалось вліяніе Тмутаракани,—Чернигово-Сѣверская земля. Тутъ именно христіанство распространилось раньше, чѣмъ гдѣ-либо, отсюда вышли и знаменитые подвижники Антоній и Ѳеодосій и, быть можетъ, Даниилъ Паломникъ. Рано тутъ была учреждена самостоятельная епархія Черниговская, а къ ней вскорѣ присоединилась и вторая—Переяславская. Чернигово-Сѣверская земля славилась своими монастырями и храмами, остатки коихъ дошли до насъ и являются важными памятниками древне-русской архитектуры.

Пока «Несторъ» пользовался довѣріемъ историковъ, вопросъ о томъ, къ тому примкнула въ культурномъ отношеніи древнѣйшая Русь, разрѣшался весьма просто: отъ скандинавовъ-варяговъ Русь получила свое военное и государственное устройство и изъ Кон-

¹⁾ Въ изложенной характеристикѣ культурной роли тмутараканской Руси я основываюсь, главнымъ образомъ, на книгѣ Вл. Пархоменка, Начало христіанства на Руси. Очеркъ изъ исторіи Руси IX—X вв. Полтава, 1913.

стантинополя всю свою духовную культуру. Конечно, «Несторъ» повѣствуетъ и о всевозможныхъ болѣе или менѣе далекихъ походахъ кievскихъ князей въ разныя страны, и о нашествiяхъ на кievскую Русь разныхъ народовъ, повѣствуетъ о посылкѣ посольствъ, о приѣмѣ посольствъ, рассказываетъ даже о томъ, что и поволжскiе болгары-мусульмане, и жидовствующiе хазары, и латиняне-нѣмцы дѣлали попытки обратить русскихъ каждый въ свою вѣру, приобщить русскихъ къ своей культурѣ. Распространяться объ этихъ попыткахъ, объяснять, какъ и почему дѣлались онѣ, лѣтописецъ считалъ излишнимъ, такъ какъ ему ясно, что сравненiя съ Царьградомъ выдержать никто не могъ, и что именно Царьграду было суждено просвѣтить Русь. При такихъ взглядахъ лѣтописца, вполне усвоенныхъ и историками, историку искусства не оставалось ничего иного, какъ признать русское искусство отраслью царьградскаго. Давно уже отдѣльные вдумчивые и независимые ученые указывали на то, что однимъ Константинополемъ нельзя объяснить всей совокупности особенностей, представляемыхъ русскими памятниками, но эти указанiя прошли, если и не незамѣченными, то, во всякомъ случаѣ, не использованными.

Лишь съ тѣрѣ поръ, какъ основополагающiя изслѣдованiя А. А. Шахматова о кievской лѣтописи убѣдили историковъ въ томъ, что «Несторъ» вовсе не тотъ пррестецъ-монахъ, который, «не мудрствуя лукаво», заносилъ «въ свой трудъ усердный, безымянный» и то, что вычиталъ изъ греческихъ источниковъ, и рассказъ о томъ, «чему свидѣтелемъ Господь его поставилъ»... лишь съ этихъ поръ и вопросъ о началахъ русской культуры вообще и русскаго искусства могъ быть поставленъ съ надлежащею широтою. Вѣдь оказалось, что кievская лѣтопись есть сочиненiе, не только составленное человекомъ съ весьма опредѣленными политическими убѣжденiями, человекомъ партii, но составленное тенденциозно, въ партiйныхъ цѣляхъ, для того, чтобы доказать и исконное единство всей Руси, и тяготѣнiе ея къ монархическому укладу, и исключительное право на всероссiйскую монархическую власть Рюриковыхъ потомковъ, кievской династii, и полную культурную зависимость кievской, а слѣдовательно—и всей вообще Руси исключительно отъ Царьграда. Когда эти тенденциiи выяснились, стали понятными и тѣ странные пропуски и умолчанiя, которыми столь богата лѣтопись въ томъ

видѣ, въ которомъ она дошла до насъ: тамъ, гдѣ фактовъ никакъ нельзя было подогнать подъ излюбленныя теоріи редактора, онъ предпочиталъ просто промолчать. Онъ упорно молчитъ о событіяхъ новгородской исторіи за все время съ 882—970 гг. и вспоминаетъ о Новгородѣ лишь тогда, когда на сѣверѣ происходятъ событія, такъ или иначе вяжущіяся съ кіевскими монархическими тенденціями редактора. Онъ молчитъ о тмутараканской Руси до того самаго момента, когда можетъ поставить Мстислава Храбраго, «брата» Ярослава Мудраго, въ тѣсную, непосредственную связь съ семейными распрями Владиміровичей. О Руси сѣверо-восточной упоминается лишь вскользь, и ея исторія остается темною чуть ли не до временъ Юрія Долгорукаго и Андрея Боголюбскаго. Слѣдовательно, для правильнаго пониманія подлинной русской исторіи X—XII вѣковъ становятся особенно интересными какъ разъ тѣ событія, о которыхъ лѣтописный сводъ умалчиваетъ. На обязанности историка лежитъ возстановить, насколько это теперь еще возможно, вычеркнутыя кіевскими грекофилами главы русской исторіи.

Въ нашу задачу не можетъ, конечно, входить обсужденіе высказанной М. Д. Приселковымъ весьма заманчивой гипотезы о томъ, что русская церковь временъ Владиміра и Ярослава, вплоть до 1037 года, до прибытія митрополита Теофемпта, іерархически была подчинена не константинопольской Вселенской патріархіи, а болгарской охридской, и что самое архіерейство Теофемпта было лишь временнымъ греческимъ эпизодомъ въ исторіи русской церкви. Правильнъ ли этотъ взглядъ, или неправиленъ, самое простое разсужденіе показываетъ, что, кому бы русская церковь ни была подчинена, проповѣдывали христіанство, конечно, не греки, а такіе священники, которые говорили на языкѣ, понятномъ русскому народу, т. е. или русскіе же,—уроженцы, напримѣръ, Тмутаракани, давно обращенной въ православіе,—или славяне. По всему вѣроятію, роль славянъ была весьма значительной, и этимъ только и можно, разумѣется, объяснить сильное и несомнѣнное культурное воздѣйствіе на Кіевскую Русь придунайской Болгаріи; это воздѣйствіе выразилось и въ древней русской литературѣ, воспользовавшейся церковно-славянскимъ алфавитомъ и церковно-славянскими готовыми переводами учительныхъ книгъ, и въ кіевской церковной

политикѣ, проводившей то же начало автокефальности, независимости отъ Константинополя, въ которомъ можно видѣть характерную особенность именно болгарскую съ древнѣйшихъ и до нашихъ временъ.

Такимъ образомъ, разсмотрѣніе общеисторическихъ данныхъ приводитъ насъ, необходимо, къ предположенію, что не столько Константинополь, сколько придунайская Болгарія должна быть разсматриваема, какъ источникъ культурныхъ импульсовъ, полученныхъ кievскою Русью. Предположеніе это, безусловно справедливое по отношенію къ словесности, сомнительно, говоря аргіогі, по отношенію къ искусству.

Дѣло въ томъ, что въ X—XII вѣкахъ болгары сами еще были учениками въ области искусства. Въ Болгаріи, правда, сохранились (въ развалинахъ, конечно, по большей части) весьма старые и величественные памятники, напримѣръ: базилика св. Софіи и ротонда св. Георгія въ Софіи, Червена црква близъ Пловдива, Пирдопская базилика св. Іліи, Хисарская базилика и др. Но всѣ эти памятники относятся еще къ до-болгарскимъ временамъ, а изъ ранней, уже болгарской, поры не сохранилось ни одного памятника, который бы давалъ намъ право признать болгаръ учителями древней Руси. Развалины старой болгарской столицы въ Абовѣ-Плискѣ, раскопанныя экспедиціею Русскаго Археологическаго института въ Константинополѣ, свидѣтельствуютъ не о самостоятельномъ художественномъ творествѣ, а объ успѣшномъ заимствованіи и подражаніи. Повидимому, болгары, почти одновременно съ Русью, учились—у кого? Въ Болгаріи этотъ вопросъ стоитъ гораздо яснѣе, чѣмъ въ Россіи. Конечно, учителемъ является и Константинополь, но не онъ одинъ: сильнѣе Константинополя былъ Востокъ сирійскій и закавказскій. Мы выше уже указывали на тѣ историческія обстоятельства, которыя вызвали такую именно комбинацію факторовъ.

Что касается Россіи, то памятники, если только къ нимъ относиться безъ предвзятыхъ догматовъ, тоже, въ сущности, говорятъ достаточно понятнымъ и недвусмысленнымъ языкомъ.

Лѣтописецъ рассказываетъ, что, крестившись въ Корсуни, Владиміръ «поемъ царицю и Настаса и попы корсуньски, с мощи святаго Климента и Фифа ученика его, пойма съсуды церковныя и иконы на благословенье себѣ. Постави же церковь

в Корсуни, на горѣ... яже церкви стоить и до сего дне. Взя же и да мѣдянѣ двѣ капищи и 4 кони мѣдяны, иже и нынѣ стоятъ за святою Богородицею, якоже невѣдуще мнѣ я мрамаряны суца»... Дальше, подѣ 989 годомъ, сообщается: «Посемъ же Володимеръ живяше въ законѣ хрестыянствѣ, помысли создати церковь пресвятыя Богородица, и пославъ приведе мастера отъ грекъ. И наченшю же здати, и яко сконча зижа украси ю иконами и поручи ю Настасу корсунянину, и попы корсуньскыя пристави служити в ней вдавѣ ту все, еже бѣ взялъ в Корсуни: иконы, и съсуды, и кресты». Подѣ 996 годомъ мы читаемъ: «Володимеръ, видѣвъ церковь свершену, вшедъ в ню и помолися Богу... И помолившюся ему, рекъ сице: даю церкви сей святыи Богородици отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть. И положи написавъ клятву въ церкви сей, рекъ: аще кто сего посудитъ, да будетъ проклятъ. И вдасть десятину Настасу корсунянину». Построенная Владимиромъ церковь такъ и сохранила за собою названіе «Десятинной». Особенно интересно въ лѣтописномъ разсказѣ то, что построение храма, по контексту, поставлено въ непосредственную связь именно съ Корсунемъ. Естественно было бы предположить, что и Десятинная церковь построена была не только для Настаса корсунянина, но и по его инициативѣ и подѣ его руководствомъ, и что мастера греки, выписанные Владимиромъ, явились если не изъ Константинополя, то изъ Корсуни. Но тутъ мы наталкиваемся на весьма любопытный фактъ: раскопки показали вполнѣ ясно, что строили Десятинную церковь не греки, ни константинопольскіе, ни какіе-либо иные ¹⁾.

Строители для закладки полукруглыхъ фундаментовъ трехъ апсидъ не ограничивались рытьемъ рововъ, въ которые обычно

¹⁾ О Десятинной церкви см. Н. За кр е в с к а г о, Описаніе Кіева. Москва, 1868 г., стр. 279—293, табл. VI; Д. В. А й н а л о в ѣ, Мраморы и инкрустаціи Кіево-Софійскаго собора и Десятинной церкви. *Труды XII* (Харьковскаго) *археолог. съѣзда*, т. III, 1905, стр. 5—11. О результатахъ раскопокъ ср. докладъ И. А. Л и н и ч е н к а, О раскопкахъ В. В. Х в о й к а въ Кіевѣ у Десятинной церкви, въ *Протоколахъ XIV* (Черниговскаго) *археолог. съѣзда*, т. III, 1911 г., стр. 68—69. Отчеты о раскопкахъ Д. В. М и л ѣ в а см. въ Отчетахъ Императорскаго Археологическаго Коммисіи за 1908 г., стр. 132—158, и за 1911 г., стр. 48—62. Къ сожалѣнію, въ Отчетахъ опубликованъ лишь фотографическій матеріалъ, а не подлинныя, на мѣстѣ исполненныя чертежи.—Исторія Десятинной церкви у С. Т. Г о л у б е в а, Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники, II. Кіевъ, 1898, стр. 425—435.

забучиваютъ фундаментъ, а дѣлали сплошную выемку земли котлованомъ на всемъ пространствѣ трехъ апсидъ; на днѣ котлована была уложена сложная подготовка изъ двухъ рядовъ деревянныхъ балокъ, положенныхъ накрестъ, зацебененныхъ желтымъ песчаникомъ и залитыхъ известковымъ растворомъ. На устроенной такимъ способомъ ровной известковой площадкѣ производилась кладка фундаментовъ трехъ полукружій апсидъ, а образовавшееся въ котлованѣ свободное пространство внутри и внѣ полукружій было засыпано землею до общаго уровня почвы. Подобное же устройство было обнаружено и подъ стѣнами. Для прокладки фундаментовъ были вырыты рвы. На подошвахъ всѣхъ рвовъ найдены остатки деревянныхъ брусевъ-лежней, положенныхъ продольно въ направленіи рва, по 4 въ рядъ, причемъ удалось выяснить, что на перекресткахъ рвовъ балки были сбиты большими гвоздями, которые нашлись на мѣстѣ. Между балками были обнаружены вдавленные въ материкъ остатки известковой заливки вмѣстѣ съ кусками желтаго песчаника, а также ряды правильно расположенныхъ деревянныхъ кольевъ, вбитыхъ въ материковую глину. Хотя дерево колевъ, разумѣется, совсѣмъ истлѣло, но материковая глина хорошо сохранила точную форму колевъ, а также ихъ величину и расположеніе. Техника, подобная описанной, совершенно неизвѣстна корсунскимъ или константинопольскимъ зодчимъ. Она и въ голову не могла притти строителямъ, которые привыкли къ каменнымъ постройкамъ: бревна-лежни, хотя и залитыя растворомъ, подвергаясь гніенію, должны были, черезъ непродолжительное время, «сопрѣть», превратиться въ труху, которая, конечно, не была въ состояніи выдерживать тяжести каменныхъ стѣнъ и сводовъ. Отсюда непременно должно было получиться и получилось неравномѣрное осѣданіе стѣнъ и разрушеніе ихъ. Только плотнику, впервые берущемуся за каменную постройку и не привыкшему еще рассчитывать на то, что постройка должна будетъ простоять столѣтія, могла притти въ голову мысль положить бревна въ основаніе каменныхъ стѣнъ. Только плотнику мѣгло показаться страннымъ складывать фундаментъ изъ сравнительно мелкаго камня, положеннаго прямо на материковую глину: не довѣряя цементу и боясь неравномѣрнаго осѣданія стѣнъ, плотникъ могъ «подкрѣпить» цементъ лежнями. Единственная аналогія, которая мнѣ,

по крайней мѣрѣ, извѣстна, имѣется въ «Дворцовой церкви» Абобскаго городища въ Болгаріи. Но надо признать, что аналогія эта далеко не полна: тамъ фундаменты сдѣланы сплошь изъ цемента, безъ деревянныхъ бревенъ, и только мѣстами обнаружена забивка и заливка «хурусаномъ» деревянныхъ кольевъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, повидимому, большая тяжесть опиралась на незначительную площадь... Технические приемы византійскаго строительства, правда, еще мало изучены, раскопки византійскихъ зданій составляютъ еще рѣдкость, но едва-ли кіевскій приемъ совершенно ускользнулъ бы отъ вниманія ученыхъ, если бы онъ широко практиковался.

Точно такая же конструкція фундаментовъ вскрыта раскопками и въ томъ дворцовомъ, повидимому, комплексѣ зданій, который примыкалъ къ Десятинной церкви, и въ церкви Спаса на Берестовѣ близъ Кіева ¹⁾. О томъ, когда построена эта послѣдняя, мы точныхъ лѣтописныхъ свѣдѣній не имѣемъ, но знаемъ, что Берестово было загороднымъ владѣніемъ Владиміра, въ которомъ онъ и скончался. Фундаментъ церкви Спаса на Берестовѣ драгоцененъ для насъ, потому что показываетъ, что конструкція Десятинной церкви не была случайностью, а применялась систематически русскими строителями. Такъ же ли былъ устроенъ фундаментъ въ Бѣлгородской церкви, открытой раскопками В. В. Хвойка, я не знаю ²⁾. Во всякомъ случаѣ, надо отмѣтить, что храмъ этотъ погибъ, рухнулъ на землю, причемъ куполь оказался на сѣверо-восточной сторонѣ храма; здѣсь до сихъ поръ лежатъ части его, закругляющіеся фрагменты—кирпичи, скрѣпленные цементомъ, здѣсь же валялись и листы свинца. Разрушенъ онъ былъ очень давно,—на это указываетъ громадное кладбище, покрывшее собою всю его площадь, причемъ здѣсь покойники лежатъ въ нѣсколько ярусовъ, что говоритъ о продолжительномъ существованіи кладбища. То обстоятельство, что

¹⁾ О церкви Спаса на Берестовѣ см. Н. Закревскаго ук. соч., стр. 727—742; Н. М. Семеновскій, Древнѣйшая въ Россіи церковь Спаса на Берестовѣ, Кіевъ, 1877; *Отчетъ Имп. Археолог. Ком.м.* за 1909—1910 г.г., стр. 183—184 (съ планомъ), и *Извѣстія Имп. Арх. Ком.м.*, XXXIV, 1910, стр. 1—4; LV, 1914, стр. 83; LVIII, 1915, стр. 118.

²⁾ Н. Д. Полонская, Археологическія раскопки В. В. Хвойка 1909—1910 годовъ въ мѣстечкѣ Бѣлгородкѣ. *Труды Моск. предвар. комитета по устройству XV археолог. съезда.* Москва, 1911, стр. 57—59.

по положенію обломковъ купола и стѣнъ видно, что храмъ этотъ рухнулъ, какъ бы завалился на одну сторону, показываетъ, что погибло зданіе отъ неравномѣрнаго осѣданія, такъ какъ, насколько я знаю, сильныхъ землетрясеній, которыя кладутъ зданія на бокъ, въ Кіевѣ не бывало, а о томъ, что кто-нибудь сталъ таранить гигантскимъ тараномъ церковное зданіе, конечно, не можетъ быть рѣчи. Столь сильное неравномѣрное осѣданіе едва-ли чѣмъ другимъ могло быть вызвано, кромѣ какъ совершеннымъ истлѣніемъ деревянныхъ бревенъ фундамента съ одной (болѣе сырой) стороны. Устройство деревяннаго фундамента въ Бѣлгородской церкви тѣмъ болѣе замѣчательно, что церковь, по всѣмъ даннымъ, построена позднѣе Десятиной, въ XII уже вѣкѣ, а можетъ быть, даже въ концѣ этого вѣка.

Итакъ, строить Десятинную церковь и прочіе храмы Владиміра взяли русскіе плотники, и тѣмъ, что они не имѣли достаточнаго опыта въ каменной архитектурѣ, по всему вѣроятію, и объясняется, почему всѣ постройки Владиміра рухнули уже въ очень старинныя времена, тогда какъ постройки временъ Ярослава Мудраго, не слишкомъ много позднѣйшія, стоятъ и до сихъ поръ.

Планъ Десятинной церкви не вполнѣ выясненъ: къ крайнему сожалѣнію, своеобразное благочестіе побудило одного «великодушнаго читателя священной древности», отставнаго гвардіи поручика А. С. Анненкова, въ 20-хъ годахъ XIX вѣка выстроить новую церковь на мѣстѣ старой и тѣмъ навсегда разрушить почти всѣ остатки старой. Но, къ счастью, прежде, чѣмъ Анненкову удалось это злодѣйство, просвѣщенный митрополитъ Евгеній въ 1824 г. успѣлъ, какъ умѣлъ, раскопать и изслѣдовать развалины; къ счастью, далѣе, Анненковская церковь значительно меньше древней, и вся апсидная часть древней могла быть теперь вновь раскопана.

Никакихъ слѣдовъ подкупольныхъ столбовъ или ихъ фундаментовъ раскопками обнаружено не было; на планѣ митрополита Евгенія показаны фундаменты внутреннихъ продольныхъ стѣнокъ, дѣлившихъ все зданіе на нефы и служившихъ нѣкогда основаніями столбовъ для колоннъ, на которыхъ покоилось перекрытіе. Слѣдовательно, Десятинная церковь была базиликою о трехъ корабляхъ, съ тремя полукруглыми апсидами, изъ кото-

рыхъ средняя значительно выдвинута на востокъ. Съ юга и сѣвера къ церкви примыкали продольные притворы-галлерей, съ запада—поперечный нарѣикъ. Вся западная часть базилики, на планѣ митрополита Евгенія, представляетъ весьма хаотическій видъ: она перегорожена поперечными фундаментами. Здѣсь были найдены и обломки мраморныхъ толстыхъ колоннъ, и базъ, и капителей, и карнизовъ. Эти находки наводятъ на мысль, что западная часть храма была двухъярусная, съ очень обширными «полатыми»; кстати, о «полатяхъ» Десятинной церкви упоминаетъ и лѣтописецъ, рассказывая о Батыевомъ разгромѣ Кіева. Ширина боковыхъ нефовъ не на много меньше ширины средняго; длина ихъ, внутри, отъ круглой стѣны апсидъ до стѣны западнаго притвора, относится къ ширинѣ церкви въ точности, какъ 5 : 3.

Что касается внутренней отдѣлки, мы и ее можемъ возстановить, въ общихъ, разумѣется, чертахъ. Въ корабляхъ нашлось множество крупныхъ кусковъ всевозможныхъ каменныхъ архитектурныхъ частей и ффрагменты фресковой росписи. Въ алтарѣ были найдены въ большомъ количествѣ кубики (золотые и разноцвѣтные) мозаики. Затѣмъ въ алтарѣ прекрасно сохранился единственный въ Кіевѣ каменный штучный полъ въ видѣ коврика, сложеннаго изъ кусковъ разноцвѣтныхъ породъ камня—фіолетоваго порфира, зеленаго «верде антико», мраморовъ разной окраски и разнаго рисунка. Въ Кіевѣ и во всей кіевской области всѣ эти каменные породы не встрѣчаются, и ясно, что матеріалъ привезенъ изъ-за моря, оттуда же, откуда прибыли и мастера: каменосѣчцы, которые исполняли колонны и прочія мраморныя декоративныя скульптуры, мозаичисты, которые украсили своды алтаря, живописцы, которые расписали нефы. И такъ какъ нашлись еще и обломки прекрасной уставной греческой надписи, высѣченной въ мраморномъ фризѣ, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что мастера пришли откуда-то изъ греческихъ странъ.

Подъ 1039 годомъ въ лѣтопись занесено слѣдующее извѣстіе: «Священа бысть церкы святыя Богородиця, юже созда Володимерь, отецъ Ярославль, митрополитомъ Теопемптомъ». Если потребовалось новое освященіе храма, онъ, значить, почему-то, въ теченіе нѣкотораго времени, пересталъ быть церковью: потому ли, что съ нимъ случилась какая-нибудь бѣда, пожаръ, напирмѣръ, или потому, что онъ перестраивался или переустраивался.

О пожарѣ именно Десятинной церкви лѣтопись ничего не говоритъ, но сообщаетъ, подъ 1017 г., лаконически: «Ярославъ приде в Кіевъ, и погорѣ церкви». Можетъ быть, погорѣвшею церковью и была Десятинная. Но возможно, что построенная Владиміромъ Десятинная церковь, простоявъ на своихъ бревенчатыхъ фундаментахъ полстолѣтія, такъ распаталась и обветшала, вслѣдствіе осѣданія стѣнъ, что нуждалась въ капитальнѣйшемъ ремонтѣ. Возможно, наконецъ, и третье—что при сравненіи старой Владиміровой церкви съ новою роскошною митрополіею, св. Софіею, древній храмъ показался слишкомъ убогимъ, бѣднымъ, такъ что, почитая память отца, Ярославъ рѣшилъ использовать вызванныхъ ради св. Софіи мастеровъ для украшенія и перваго каменнаго храма Кіева.

Наличность въ Десятинной церкви мраморныхъ архитектурныхъ частей, наборнаго штучнаго пола, фресковой и мозаичной росписи вовсе, слѣдовательно, ничего о первоначальныхъ строителяхъ храма не говоритъ. Для сужденія о нихъ мы ничего, кромѣ плана и техники закладки фундамента, не имѣемъ. О техникахъ мы уже говорили: ни на Востокѣ, ни на Западѣ никто никогда не имѣлъ обычая заливать бревна цементомъ въ фундаментахъ, и самая мысль о такой заливкѣ могла притти на умъ только природнымъ плотникамъ. Строителями Десятинной церкви были, явно, русскіе. Но такъ же ясно, что плотники не сами сразу придумали трехъапсидный базиличный, составленный въ опредѣленныхъ пропорціяхъ планъ. Откуда-то они его получили, гдѣ-то научились готовить «растворъ» для каменной кладки. Что плотникамъ базилика съ каменными стѣнами, но деревянными перекрытіями, была наиболѣе по душѣ,—вполнѣ понятно: вѣдь трудность каменной постройки заключается вовсе не въ возведеніи стѣнъ, а въ сведеніи перекрытія. Базилика съ двускатною деревянною крышею устраняетъ наиболѣе непріятную для неопытныхъ строителей часть зданія, куполь. Откуда же, однако, былъ взятъ образецъ? Въ Корсуни было много базиликъ; можно было бы допустить предположеніе, что Настасъ корсунянинъ пожелалъ, строя для себя храмъ, воспроизвести тотъ, въ которомъ онъ нѣкогда начиналъ свое іерейское служеніе на родинѣ. Но корсунскія базилики совсѣмъ не такъ построены, какъ Десятинная церковь.

Базилики Херсониса имѣютъ одну апсиду; если въ купольной церкви имѣются три апсиды, онѣ располагаются такъ, чтобы центры всѣхъ полукружій находились на одной прямой; каждая изъ трехъ апсидъ и въ наружномъ очеркѣ плана выступаетъ самостоятельно, если вообще выступаетъ; ширина средняго нефа значительно превышаетъ ширину боковыхъ; жертвенникъ и діаконикъ въ трехъапсидныхъ церквахъ отчетливо отдѣлены отъ нефовъ... Въ Десятинной церкви зодчій нарушилъ всѣ эти (вовсе не только мѣстныя) особенности плана: онъ строить базилику о трехъ апсидахъ, далеко выдвигаетъ среднюю на востокъ, прислоняетъ боковыя апсиды къ средней (чѣмъ нарушается обще-византійскій принципъ: не вязать разно нагруженные части зданія) и дѣлаетъ всѣ три апсиды почти одинаково широкими, вовсе не отдѣляя жертвенникъ и діаконикъ отъ нефовъ; наконецъ, въ Десятинной церкви къ основнымъ тремъ нефамъ прибавлены еще боковыя притворы.

Среди корсунскихъ храмовъ ¹⁾ есть одинъ, который до извѣстной степени напоминаетъ Десятинную церковь: Малая базилика на сѣверномъ берегу, № 34. Сходство, правда, ограничивается тѣмъ, что обѣ церкви—трехъапсидныя базилики, со связанными полукружіями апсидъ. Такая же вязъ апсидъ наблюдается еще въ трехъ малыхъ купольныхъ церквахъ, № 4, 6, 9. Сличая корсунскіе планы съ кievскимъ, трудно удержаться отъ сомнѣній въ корсунскомъ происхожденіи тѣхъ грековъ, которые были вызваны Владиміромъ въ Кіевъ для постройки Десятинной церкви.

Въ Константинополѣ одна только Ахмед-паша-месджиди ²⁾ имѣетъ нѣкоторое сходство съ Десятинною церковью—въ томъ, что боковыя ея апсиды прислонены къ средней. Предположительно зданіе это отождествляется съ церковью св. Андрея ἐν τῷ τροῦλλῳ, но достовѣрно не извѣстно, ни когда, ни кѣмъ она выстроена. Въ виду полного одиночества Ахмед-паша-месджиди среди памятниковъ Константинополя, признать именно ее типомъ кон-

¹⁾ Д. В. Айналовъ, Памятники христіанскаго Херсониса, I: Развалины храмовъ. Москва, 1905, стр. 24.

²⁾ A. van Millingen, Byzantine churches in Constantinople, their history and architecture. London, 1912, p. 201—206, fig. 68—71, pl. LV; J. Ebersolt, Rapport sommaire sur une mission à Constantinople. Paris. 1911, pl. XII, fig. 18; C. Gurlitt, Die Baukunst Konstantinopels. Berlin, 1907—1912, p. 40, fig. 91—93, pl. 10 f. (LV); чертежикъ Гурлитта повторенъ у М. Красовскаго, Планы древне-русскихъ храмовъ. Петроградъ, 1915, стр. 33—35, рис. 18.

стантинопольскаго церковнаго строительства нельзя. Въ Салоникѣ тоже только одна Казанджилар-джами ¹⁾, 1028 г., имѣетъ съ Десятиною церковью схожую черту, именно вязъ апсидъ, но одного этого признака, конечно, слишкомъ мало для утверженія какого бы то ни было родства или однотипности, которыя объединяли бы эти два зданія.

Можно и въ другихъ городахъ указать отдѣльные памятники, которые имѣютъ ту или иную общую черту съ Десятиною церковью: напримѣръ, вязъ апсидъ встрѣчается въ церкви Вседержителя въ черноморской Месемврии и т. д. ²⁾. Но такой композиціи плана, такого архитектурнаго замысла въ цѣломъ, какъ въ Десятиной церкви, мы нигдѣ не встрѣчаемъ въ тѣхъ частяхъ «Византии», о которыхъ мы привыкли вспоминать прежде всего, когда произносится терминъ «Византия». Если мы хотимъ найти аналогіи къ Десятиной церкви, мы должны обратиться не къ большимъ западно-византийскимъ центрамъ, не къ столицѣ, а искать въ «провинціи», на Востокѣ, именно въ сѣверной Малой Азіи и на Кавказѣ. Въ Трапезунтѣ ³⁾ находимъ мы въ изобилии и базиличныя планы, и сравнительно большую ширину боковыхъ кораблей, и далеко выдвинутыя на востокъ среднія апсиды, и вязъ апсидъ. То же самое мы находимъ и въ церквахъ Кавказа; изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ церковь въ Мокви, въ Абхазіи, не только потому, что планъ ея почти въ точности совпадаетъ съ планомъ Десятиной церкви, но еще и потому, что она построена почти въ то же самое время, въ 957 году ⁴⁾.

¹⁾ По-турецки «казан» значить котель; «казанджип» — котельный мастеръ; «казанджилар» — мн. число слова «казанджи»; совершенно нельзя писать «Казанъ-джиларъ-джами». — Первоначально церковь была посвящена Богородицѣ: сохранилась посвяtitельная надпись катапана Христофора, 1028 г., ср. фотографію Г. Миллэ (Coll. d. Hautes Études C 699—700); фотографія издана у G. Schlumberger, *l'Épopée byzantine à la fin du X siècle*, III. Paris, 1905, p. 53. Архитектурные чертежи: Ch. Texier and R. Popplewell-Pullan, *Byzantine architecture*. London, 1864, pl. L—LI; чертежъ П. П. Покрышкина у Н. П. Кондакова, Македонія, стр. 112 — 115, и у М. Красовскаго, ук. соч., стр. 142—145, рис. 57—58.

²⁾ П. П. Покрышкинъ, О церквахъ г. Месемврии (Болгарія). *Архитектурный музей И. Ак. Художествъ*, I, 1902, стр. 5.

³⁾ G. Millet. Les monastères et les églises de Trébisonde. *Bull. de corr. Hell.*, XIX, 1895, p. 419—459.

⁴⁾ Вакрадзе, ук. соч., стр. 102 — 103; Толстой и Кондаковъ, Русскія древности, IV, стр. 55, рис. 44; Матеріалы по археологіи Кавказа, III, 1893, стр. 14—16, табл. II—IV; старая литература указана у Вакрадзе.

Лѣтописецъ начинаетъ русскую исторію съ повѣсти о странствованіяхъ апостола Андрея Первозваннаго: «Онѣдрѣю учащу в Синопии и пришедшу ему в Корсунь, увѣдѣ, яко ис Корсуны близъ устье Днѣпрское... и проиде въ вустье Днѣпрское и оттоле поиде по Днѣпру горѣ...» У лѣтописца все это путешествіе разсказывается въ высшей степени просто, какъ самое обыкновенное дѣло. Надо думать, что указанный въ лѣтописи путь и былъ, въ дѣйствительности, торною дорогою, которою Кіевъ могъ сообщаться почти непосредственно съ Малою Азіею. О сношеніяхъ съ Кавказомъ черезъ Тмутаракань мы уже говорили. Значить, объясненія въ Десятинной церкви требуетъ не то, что она похожа на малоазійскіе и кавказскіе храмы и похожа только на нихъ; объясненія требуетъ другое: отчего сходство это не полнѣе, не охватываетъ и техники? Вѣдь ясно, что, если бы постройкой Десятинной церкви руководилъ—скажемъ, малоазійскій или кавказскій—архитекторъ, онъ развѣ могъ бы дать своимъ рабочимъ волю закладывать фундаментъ на залитыхъ цементомъ бревнахъ? Разумѣется, нѣтъ! Значить, руководилъ работами человѣкъ, который русскими строительными приѣмами не возмущался, русскій, по наглядкѣ изучившій церковно-строительное дѣло, умѣвшій приготовить «растворъ», могшій показать приемы кладки стѣнъ и даже, быть можетъ, сводовъ (апсидъ, напримѣръ, такъ какъ сведеніе полукуполовъ на полуциркульной стѣнѣ не представляетъ какихъ-нибудь особыхъ затрудненій), но не проникшійся самымъ духомъ каменнаго строительства, не на немъ воспитавшійся. Въ такомъ случаѣ, естественно подумать, что именно Тмутаракань могла служить посредницею между Кіевомъ и Востокомъ.

Подъ 1036 г. лѣтописецъ повѣствуетъ: «Мѣстиславъ изиде на ловы, разболѣся и умре; и положиша и у святаго Спаса, юже самъ заложилъ, бѣ бо въздано ея при немъ възвыше, яко на кони стояще рукою досящи». Значить, храмъ былъ заложенъ за годъ или за нѣсколько лѣтъ до 1036 года. И этотъ храмъ дошелъ до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ, ибо въ 1675 г. нашелся «благочестивый и ревностный христолюбецъ», черниговскій полковникъ В. Дуницъ-Барковскій, который «святымъ усердіемъ и щедростью» возобновилъ храмъ. При этомъ «возобновленіи» «всѣ придѣлы и боковыя пристройки были разобраны и уничтожены», такъ что, напримѣръ, отъ южнаго продольнаго притвора

остался только фундаментъ до уровня земли, а отъ сѣвернаго только кусокъ фундамента; на южномъ концѣ нарѣика была построена башня, соответствовавшая древней сѣверной; были починены стѣны и своды среднихъ нефовъ; и, главное, какъ всегда, все это было поштукатурено и побѣлено, такъ что вся постройка, снаружи и снутри, совершенно утратила старинный видъ, и вся кладка стала невидимою и недоступною для изученія.

Спасская церковь была трехнефною базиликою, съ продольными (на сѣверной и южной сторонахъ) и поперечнымъ (на западѣ) притворами; надъ перекрестьемъ средняго корабля и трансепта, на четырехъ столбахъ, высится куполь на барабанѣ; углы, образованные концами креста, перекрыты малыми куполами. Въ планѣ слѣдуетъ особо упомянуть о далеко выдвинутой на востокъ средней апсидѣ и о винтовой лѣстницѣ, помѣщенной въ особой башнѣ, для восхода на «полати». Не трудно видѣть, что черниговскій Спасъ представляетъ существенное сходство съ кавказскими церквами, съ одной стороны, и съ Десятинною и Спасскою на Берестовѣ церквами, съ другой. Черниговскій Спасъ завѣдомо заложенъ Мстиславомъ Тмутараканскимъ, такъ что тутъ далеко ходить за объясненіемъ сродства съ малоазійскими и кавказскими постройками не приходится ¹⁾.

Въ 1037 году «заложилъ Ярославъ городъ великій, у него же града суть Златая врата; заложилъ же и церковь святыхъ Соѣя митрополью, и посемь церковь на Золотыхъ воротахъ святыхъ Богородица Благовѣщенье, посемь святаго Георгія монастырь, и святыхъ Ирины». Тутъ каждое названіе напоминаетъ Константинополь, и постройка «великаго города» по образцу Царьграда показываетъ всю силу того обаянія, которому поддавался Ярославъ, и той

¹⁾ О черниговскихъ храмахъ см.: П. Лашкаревъ, Церкви Чернигова и Новгородъ-Сѣверска. *Труды XI (киевскаго) археолог. съезда* 1899 г., т. II. Москва, 1902, стр. 146—164, рис. 5—24, табл. IV—V; Д. В. Айналовъ, Архитектура черниговскихъ храмовъ. *Труды черниговскаго предвар. комитета по устройству XIV археолог. съезда*, Черниговъ, 1908, стр. 168—175; О. П. Горностаевъ, Объ архитектурѣ древнихъ храмовъ Чернигова до-монгольскаго періода. Протоколы засѣданій XIV (черниговскаго) археолог. съезда 1900 г. въ *Трудахъ съезда*, т. III. Москва, 1911, стр. 66—67. Не безполезны фотографическіе снимки, помѣщенные въ «Историю русскаго искусства» И. Г. Грабаря, т. I, стр. 149—151, и въ вышеупомянутомъ изданіи прееос. В. Асплія, Картины церковной жизни Черниговской епархіи изъ IX-вѣковой ея исторіи.

константинопольской культурной волны, кототорая нашла на кievскую Русь въ началѣ XI в., вмѣстѣ съ прибытіемъ митрополита-грека Теоπεмита и сопровождавшаго его духовенства.

Обезображенныя нелѣпою пристройкою, предназначенною ихъ предохранять отъ совершеннаго разрушенія, Золотыя ворота сохранились достаточно, чтобы свидѣтельствовать о приѣмахъ и матеріалѣ, свойственныхъ константинопольскому строительству: кирпичъ съ толстою цементною прослойкою, сводъ. Отъ церкви св. Ирины и сейчасъ стоитъ, на Владимірской улицѣ, массивъ кирпичной кладки, которая весьма похожа на кладку константинопольскую. Наконецъ, Софійскій храмъ, хотя и изуродованный главами и фасадами времени митрополита Варлаама Ясинскаго и гетмана Мазепы, въ общемъ удовлетворительно сохранился, и если бы только онъ былъ доступенъ всестороннему археологическому изслѣдованію, могъ бы стать важнѣйшимъ документомъ для исторіи кievскаго искусства не только начала XI вѣка.

Пока, къ сожалѣнію, кievская св. Софія не изслѣдована, не описана и не издана, и трудно предсказать, когда наука будетъ располагать удовлетворительными данными объ этомъ первоклассномъ памятникѣ. Весьма приблизительные архитектурные чертежи, исполненные людьми, совершенно чуждыми археологіи, и въ такое время, когда самая наука о развитіи архитектуры еще не родилась; завѣдомо неточные рисунки, воспроизводящіе мозаики и переписанныя въ царствованіе Императора Николая I, т. е. окончательно погубленныя, фрески; нѣсколько не особенно удачныхъ фотографій, совершенно съ научными требованіями не согласованныхъ,—вотъ весь матеріалъ, который имѣется въ рукахъ у историковъ русскаго искусства ¹⁾. Тутъ, конечно, возможности использовать памятникъ полностью не имѣется. Но нѣкоторыя предположенія сами собою напрашиваются.

Св. Софія—пятинефная базилика съ двумя продольными низкими притворами на сѣверной и южной сторонахъ и безъ

¹⁾ Нѣтъ надобности перечислять всю литературу о св. Софіи. Назову лишь двѣ новѣйшія работы: Д. В. Милѣевъ, Древніе полы въ кievскомъ соборѣ св. Софіи. *Сборникъ археологическихъ статей въ честь графа А. А. Бобринскаго*. Спб., 1911, стр. 212—221; Н. Окуневъ, Крещальня Софійскаго собора въ Кіевѣ. *Зап. Отд. русской и слав. археологіи Имп. Русскаго Археолог. Общ.*, X, 1915, стр. 113—137, табл. XXII—XXIX.

поперечнаго западнаго нарѣика (нарѣикъ—отдѣльная, архитектурно выдѣленная часть зданія, и нельзя называть нарѣикомъ, какъ это принято дѣлать, пространство между послѣднимъ западнымъ рядомъ столбовъ и наружною стѣною). Всѣ пять нефовъ на востокъ закончены апсидами. Передъ западнымъ фасадомъ несимметрично поставлены двѣ башни съ винтовыми лѣстницами, ведущими на «полати», и небольшая прямоугольная въ планѣ крещальня. Съ сѣвера и юга къ зданію примыкаютъ широкія продольныя галлерей, нѣкогда открывавшіяся наружу аркадами на столбахъ, теперь же отчасти закрытыя, отчасти заложеныя. Предъ алтаремъ пролегаетъ поперечный корабль, трансептъ, такой же ширины, какъ и средній продольный корабль. Надъ перекрестьемъ, на барабанѣ, высится главный куполь. Боковые нефы, раздѣленные столбами, имѣютъ значительно меньшую ширину, чѣмъ главный, но почти ту же вышину. Средній корабль и трансептъ крыты коробами, боковые нефы куполами. Въ боковыхъ нефѣхъ и надъ самыми концами главнаго (въ западномъ концѣ его) и трансепта (въ сѣверномъ и южномъ концахъ) устроены гинекей, «полати», на которыя ведутъ лѣстницы въ вышеупомянутыхъ башняхъ-«вежахъ».

Планъ св. Софїи, въ настоящее время, чрезвычайно неуклюжъ: зданіе имѣетъ ширину, значительно превышающую его длину. Кромѣ того, зданіе темно, такъ какъ получаетъ свѣтъ только черезъ окна главнаго купола и апсидъ: боковыя галлерей заслоняютъ свѣтъ въ нефѣхъ. Несомнѣнно, что эти галлерей пристроены къ готовому уже зданію. Прибавлена была къ готовому уже зданію и южная башня-вежа; не современна основному ядру и примыкающая къ этой вежѣ крещальня. Лѣтописецъ обо всѣхъ позднѣйшихъ этихъ пристройкахъ не упоминаетъ, но вѣдь лѣтописецъ вовсе не былъ знатокомъ или историкомъ архитектуры.

Итакъ, въ нынѣшней св. Софїи есть части, которыя не восходятъ къ началу XI вѣка. Но всѣ ли части постройки Ярослава сохранились? Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе какъ отсутствіе нарѣика, такъ и странное расположеніе сѣверо-западной башни: она возведена передъ западнымъ фасадомъ, съ полнымъ нарушеніемъ правилъ византійскаго зодчества и всякаго архитектурнаго благолѣпія, уничтожая фасадъ, какъ цѣлое. Входъ въ башню теперь устроенъ изъ церкви; но на самомъ дѣлѣ, входъ

былъ со двора. Если мы рассмотримъ выясненный раскопками планъ Спасской на Берестовѣ церкви или черниговскаго Спасо-преображенскаго собора, мы находимъ въ обоихъ зданіяхъ такія же башни съ такими же винтовыми лѣстницами, во всемъ похожія на аналогичныя части въ константинопольской св. Софіи, въ солунской св. Софіи и т. д. Разница только та, что повсюду башни приставлены къ концу нарѣика (безразлично: къ сѣверному или южному), а не передъ западнымъ фасадомъ. Во всѣхъ византійскихъ, кавказскихъ, какихъ угодно церквахъ есть нарѣики. Въ поздне-византійскомъ зодчествѣ мы видимъ даже, если можно такъ выразиться, гипертрофію нарѣиковъ, которыя прибавляются къ основному ядру церкви одинъ за другимъ, такъ что у одного и того же храма нарастаетъ, на западѣ, рядъ болѣе или менѣе обширныхъ помѣщеній, въ которыхъ служатся литіи и всѣ тѣ части литургіи, которыя не требуютъ наличности престола. А въ св. Софіи—и только въ св. Софіи кievской—нарѣика вовсе нѣтъ! Надо думать, что онъ нѣкогда былъ. Какъ только мы его въ планѣ дополнимъ, всѣ затрудненія къ пониманію плана исчезаютъ. И не только планъ и фасадъ принимаютъ обычный видъ, но объясняется, почему впоследствии юго-западная башня была пристроена несимметрично съ сѣверною, отступя на югъ: она была пристроена къ концу нарѣика. Понятно, предположеніе о первоначальномъ существованіи нарѣика подтверждено или опровергнуто можетъ быть только раскопками подъ нынѣшнимъ притворомъ, а не теоретическими соображеніями. Если бы раскопки показали, что нарѣика никогда не было, передъ историками архитектуры была бы поставлена чрезвычайно трудная задача: объяснить, въ предѣлахъ византійскаго пониманія архитектурныхъ формъ, изумительный по своей неправильности нынѣшній фасадъ св. Софіи, или показать, почему русская самобытность прежде всего выразилась (въ архитектурѣ храмовъ) въ упраздненіи той именно части зданія, которая въ XI и XII вѣкахъ въ Византіи особенно пышно развивается, и въ которой, по византійскимъ литургическимъ обычаямъ, чувствовалась особенно настоятельная потребность. Понятно, что терминъ „византійскій“ здѣсь нужно понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ, который это слово можетъ имѣть, ибо о томъ, что св. Софія кievская безъ нарѣика могла бы быть построена константинопольскими зодчими, не можетъ быть и рѣчи.

Давно уже было замѣчено, что въ константинопольской области нѣтъ ни единого храма, который бы въ наиболѣе существенныхъ частяхъ совпадалъ съ кievскою святою Софіею. Зато достойно быть отмѣченнымъ ближайшее родство между св. Софіею и черниговскимъ Спасомъ: если только расширить черниговскій соборъ парными боковыми кораблями по сторонамъ главнаго, мы въ точности получимъ планъ кievскаго. Можетъ быть, слѣдуетъ признать болѣе значеніе въ вопросѣ о происхожденіи софійскихъ зодчихъ за мелочами техники, чѣмъ за общею композиціе зданія. Въ композиціи зодчій, въ предѣлахъ архитектурнаго типа, пользуется, конечно, извѣстною свободою и вовсе не обязанъ копировать какое-нибудь уже существующее зданіе, а мелочи конструкціи, которыя не привлекаютъ вниманія и дѣлаются по традиціи, выдаютъ привычки, свойственныя каждой данной „провинціи“ архитектуры. Одною изъ такихъ конструктивныхъ мелочей являются тѣ столбы, на которыхъ держатся своды храма: въ Кіевѣ, въ Черниговѣ, въ Мокви столбы эти имѣютъ горизонтальное сѣченіе въ видѣ равноконечнаго креста о короткихъ рукавахъ; ни въ одной константинопольской церкви такихъ столбовъ мы не находимъ.

Кіевскій Софійскій соборъ былъ весь расписанъ, по всему вѣроятію, вскорѣ послѣ постройки. Лѣтопись, правда, о стѣнописяхъ ничего не говоритъ, но это легко объясняется тѣмъ взглядомъ на церковь, котораго, по византійскому примѣру, придерживалась древняя и придерживается также и новая Русь: никакая церковь безъ росписи быть не можетъ и не должна, ибо роспись является вѣдь въ православномъ храмѣ вовсе не простою роскошью, которая можетъ быть, можетъ и не быть, а существенно необходимою частью церковнаго убранства, о которой можно особенно и не распространяться, такъ какъ само собою разумѣется, что церковь расписана. Вся ли роспись, которая отчасти и по сей часъ сохранилась въ св. Софіи, восходитъ ко временамъ Ярослава Мудраго,—это совсѣмъ другой вопросъ, который будетъ окончательно разрѣшенъ только тогда, когда мозаики будутъ изданы и изслѣдованы, и когда будутъ изданы и изслѣдованы гораздо полнѣе, чѣмъ это сдѣлано до сихъ поръ, прочіе „византійскіе“ памятники XI—XII вѣковъ. Теперь мы о росписи св. Софіи вполне увѣренно можемъ сказать не очень

многое, но и этого немногаго достаточно для того, чтобы усомниться въ константинопольскомъ происхожденіи не одной архитектуры, но также и росписи.

Прежде всего: часть храма расписана мозаиками, часть—фресками. Ни въ одной церкви Константинополя или его культурной области мы такой смѣси не встрѣчаемъ: тамъ или весь храмъ, включая и нарѣикъ, расписывается мозаикою, или весь храмъ расписывается *al fresco*. Оно и понятно: сопоставленіе мозаикъ и фресокъ портитъ впечатлѣніе и отъ тѣхъ, и отъ другихъ, ибо слишкомъ неравны средства, слишкомъ различны цѣли у мозаичиста и у альфрейщика. Въ Кіевѣ же сопоставленіе фрески и мозаики обычно: такъ же, какъ въ св. Софіи, стѣнопись была распределѣна, какъ мы видѣли, и въ Десятинной церкви, и, вѣроятно, въ Михайловскомъ соборѣ и въ соборѣ Лавры. Я не знаю достовѣрно, встрѣчается ли указанная особенность въ кавказскихъ росписяхъ (данныя, которыми я располагаю, напимѣръ—о Гелати и о Тироми, слишкомъ неполны и неточны), но знаю, что ея нѣтъ въ Константинополѣ.

Сюжеты въ св. Софіи распределены слѣдующимъ образомъ (имѣя въ виду однѣ мозаики, такъ какъ фресковая роспись безнадежно загублена при Императорѣ Николаѣ I, попустительствомъ Солнцева и трудами старца Иринарха съ братією, о. Желтоножскаго и др.): Въ главномъ куполѣ изображенъ въ образованномъ радугою медальенѣ по грудь Иисусъ Христосъ, прижимающій шуйцею большую закрытую книгу къ груди и дѣлающій десницею, закутанною до кисти руки въ складки иматія, широкій жестъ благословенія. Кругомъ медальена изображены, во весь ростъ, стоя, четыре «чина ангельскихъ», въ царскихъ облаченіяхъ, держащіе въ шуйцахъ знамена, на которыхъ трижды написано АГЮС, а въ десницахъ—державы, на которыхъ нарисованы кресты на голгоѣахъ. Между окнами купольнаго барабана помѣщались фигуры апостоловъ: сохранилась одна фигура апостола Павла и надпись съ именемъ апостола Петра. Въ парусахъ—четыре евангелиста, въ обычномъ видѣ авторовъ, занятыхъ письменною работою; сохранилась цѣликомъ фигура евангелиста Марка и значительная часть другого евангелиста въ сѣверо-восточномъ парусѣ. Между евангелистами, въ ключахъ подкупольныхъ арокъ, въ медальенахъ, помѣщены по

грудныя изображенія: съ восточной стороны—юнаго Христа, противъ него—Богородицы, на сѣверѣ и югѣ, по всему вѣроятію,—свв. Богоотецъ Іоакима и Анны. Въ самомъ алтарѣ, на ключѣ полукупола главной апсиды, сохранились три медальена съ погрудными изображеніями Христа, Богородицы и Предтечи (Деисусъ). Въ полукуполѣ алтаря мы видимъ колоссальный образъ Богородицы-оранты во весь ростъ, извѣстный подъ названіемъ «Нерушимой стѣны». Ниже его, на стѣнѣ, представлено Установленіе таинства евхаристіи. Еще ниже сохранился отчасти поясъ отдѣльныхъ фигуръ святителей. На западныхъ граняхъ алтарныхъ столбовъ помѣщено Благовѣщеніе, по обычаю раздѣленное на двѣ части такъ, что на сѣверномъ столбѣ изображенъ былъ архангелъ, на южномъ Богородица. Наконецъ, въ пролетахъ подкупольныхъ арокъ уцѣлѣла часть медальеновъ съ погрудными изображеніями свв. Сорока мучениковъ.

Схема эта въ цѣломъ вполне соотвѣтствуетъ византійскимъ традиціямъ и византійской богословской мысли. Роспись св. Софій можетъ быть понимаема, какъ законный результатъ разложенія первоначальной купольной композиціи Вознесенія—Второго Пришествія, еще не смѣшавшейся съ элементами пророческой системы росписи. Но именно при наличности столь строго продуманной и стройной системы церковной росписи, тѣмъ болѣе требуется отмѣтить отдѣльныя отступленія отъ общепринятой схемы въ частностяхъ, которыя производятъ такое впечатлѣніе, что кievскій мастеръ XI вѣка, хорошо зная константинопольскія требованія, самъ ихъ переработалъ. Между тѣмъ, роспись, какъ цѣлое, опредѣляется не художникомъ, а богословомъ, ибо роспись не только украшаетъ храмъ, но должна учить прихожанъ. Мы можемъ допустить, что кievскій мастеръ XI вѣка, опираясь на полувѣковыя уже кievскія художественныя традиціи (вѣдь не вѣроятно, но все-же допустимо, что уже Владимірова Десятинная церковь была украшена мозанками), стилистически былъ болѣе или менѣе независимъ отъ Константинополя; но чтобы кievскіе богословы, да еще именно въ тотъ моментъ, когда во главѣ ихъ появился митрополитъ-грекъ, чувствовали себя свободными въ догматическомъ отношеніи, мы едва ли имѣемъ право предполагать. Слѣдовательно, приходится думать, что отступленія отъ константинопольской системы росписи, которыя

мы отмѣчаемъ въ св. Софїи, не могутъ быть мѣстными особенностями, а должны быть разсматриваемы тоже какъ проявленіе иконописной традиціи, но только не константинопольской.

О томъ, что въ кїевской св. Софїи мозаики помѣщаются не только въ сводахъ выше карниза и на верхахъ стѣнъ, но и ниже карниза, мы уже упоминали; упоминали и о сопоставленіи мозаикъ и фресокъ; указали также и на выводъ, который напрашивается при изученіи этихъ явленій. Относительно иконографіи было подчеркнута, что Причащеніе апостоловъ въ св. Софїи дано въ такой иконографической редакціи, которая чужда константинопольскому искусству X—XII вѣкв. Но есть и другое иконографическое явленіе, на которое нужно обратить вниманіе: въ св. Софїи надъ полукуполомъ алтаря помѣщены медальоны, изображающіе Деисусъ. Это обстоятельство далеко еще не оцѣнено по достоинству, и на немъ необходимо остановиться подробно ¹⁾.

Деисусъ изрѣдка появляется въ византійскихъ росписяхъ, но не имѣетъ опредѣленнаго мѣста въ нихъ. Въ видѣ исключенія Деисусъ появляется и въ полукуполахъ главныхъ апсидъ— въ Мессинскомъ соборѣ ²⁾, въ псковскомъ Спасо-Мирожскомъ ³⁾ и въ пещерномъ храмѣ въ Мангушѣ, въ Крыму ⁴⁾; вариантъ Деисуса въ главной апсидѣ нѣкогда былъ въ Палатинской ка-

¹⁾ Иконографіи Деисуса посвящена медальная работа ассистента при кафедрѣ исторіи искусства Харьковскаго университета Д. П. Гордѣева. Работа эта еще не напечатана. Ср. мой отзывъ о сочиненіяхъ на тему «Деисусъ въ византійскомъ и русскомъ искусствѣ», *Записки Харьковскаго Университета*, 1914, № 1, стр. 1—5.

²⁾ G. Clausse, *Basiliques et mosaïques chrétiennes: Italie, Sicile*, II. Paris, 1893, p. 121. Судя по открытому письму, которое я имѣю, съ фотографическимъ снимкомъ собора послѣ землетрясенія 28 декабря 1908 г., главная апсида не рухнула и сохранила даже свою мозаику. Не пора ли, хотя бы теперь, сфотографировать мозаику научно-удовлетворительно и описать ее? Мои друзья не смогли найти въ продажѣ ничего, кромѣ вышеупомянутой, очень неудовлетворительной фотографіи на открыткѣ, и я не помню, чтобы въ специальной ученой печати былъ опубликованъ лучший снимокъ; среди фотографій Г. Миллэ въ парижскомъ собраніи École des Hautes Études тоже снимка съ мозаики средней апсиды, насколько я знаю, не имѣется.

³⁾ Фотографія О. И. Парли.

⁴⁾ Графъ А. Уваровъ, *Собраніе картъ и рисунковъ къ послѣдованіямъ о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря*. Спб., 1851, табл. VII—VIII.

пеллѣ ¹⁾; въ видѣ погрудныхъ изображеній на стѣнѣ въ главной апсидѣ Деисусъ встрѣчается въ соборѣ монастыря св. Луки въ Фокидѣ ²⁾ и въ новгородскомъ Спасѣ-Нередицѣ ³⁾. Въ Маломъ градѣ на Прѣсенскомъ озерѣ, въ росписи 1345 г., Деисусъ помѣщенъ на триумфальной аркѣ ⁴⁾, въ новгородской Николо-Липенской церкви медальены съ погрудными изображениями лицъ Деисуса и одного ангела украшаютъ ключи подкупольныхъ арокъ ⁵⁾. Кіевскіе медальены должны быть сопричислены къ памятникамъ этого рода, показывающимъ, что Деисусу явно полагается быть въ алтарѣ, но мѣсто его въ алтарной росписи не опредѣлилось.

На принадлежность Деисуса къ циклу именно алтарной росписи указываетъ и другое обстоятельство: онъ довольно часто встрѣчается въ среднемъ отдѣленіи нарѣика, передъ входомъ въ каеоликонь. На то, что роспись этого отдѣленія нарѣика составляется въ соотвѣтствіи съ системою росписи главной апсиды, я имѣлъ уже случай указывать, объясняя мозаичную роспись наружнаго нарѣика Кахріэ-джами ⁶⁾; можно было бы безъ труда значительно дополнить данныя тамъ фактическія справки. Въ Ватопеди ⁷⁾, въ Гроттаферратѣ ⁸⁾, въ Германѣ ⁹⁾ и Заумѣ ¹⁰⁾, въ Волотовѣ ¹¹⁾ и др. мы находимъ Деисусъ надъ

¹⁾ А. А. Павловскій, Живопись Палатинской капеллы въ Палермо. Спб., 1890, стр. 56—57; фотографія Alinari, № 33112.

²⁾ R. W. Schultz and S. H. Barnsley, The monastery of St. Luke of Stiris etc. London, 1891, pl. 39, 50. p. 58.

³⁾ Памятники древне-русскаго искусства, изд. Имп. Академіи Художествъ, I, 1908, т. 2; та же акварель Л. М. Брайлловскаго у J. Ebersolt, Fresques byzantines de Néréditsi. *Mon. Piot*, XIII, 1906, pl. IV.

⁴⁾ П. Н. Милюковъ, Христіанскія древности Западной Македоніи. *Изв. Русск. Археологич. Инст. въ Константинополь*, IV, 1899, стр. 71.

⁵⁾ Г. Филимоновъ, Церковь св. Николая Чудотворца на Липнѣ близъ Новгорода. Москва, 1859, стр. 13.

⁶⁾ *Извѣстія Русск. Арх. Инст. въ Конст.*, XI, 1906, стр. 208—211.

⁷⁾ G. Schlumberger, L'Épire, II, p. 560; Н. П. Кондаковъ, Памятники христіанскаго искусства на Аевонѣ. Спб., 1902, стр. 101, рис. 47.

⁸⁾ G. Schlumberger, L'Épire, I, p. 581; Н. П. Кондаковъ, Лицевой иконописный подлинникъ, I. Спб. 1905, стр. 47, рис. 74.

⁹⁾ Милюковъ, ук. соч., стр. 40.

¹⁰⁾ Милюковъ, ук. соч., стр. 85.

¹¹⁾ В. В. Сусловъ, Церковь Успенія Пр. Богородицы въ селѣ Волотовѣ (см. выше стр. 86, прим. 4), стр. 22, рис. 13.

входными дверьми въ храмъ ¹⁾. Надъ тѣми же дверьми, но со стороны каеоликона, помѣщенъ Деисусъ въ венеціанскомъ соборѣ св. Марка ²⁾ и въ Схалтѣ, на Кавказѣ ³⁾.

Какъ же могло случиться, что столь важный въ догматическомъ отношеніи сюжетъ, какъ Деисусъ, не нашелъ себѣ опредѣленнаго мѣста въ системѣ церковной росписи? Объясняется это тѣмъ, что византійскіе богословы мыслили слишкомъ послѣдовательно, чтобы допускать повторенія. А Деисусъ является именно повтореніемъ: композиція эта выражаетъ догматъ о заступничествѣ церкви новозавѣтной, въ лицѣ Богородицы, и ветхозавѣтной, въ лицѣ Предтечи, передъ Христомъ-судіею за грѣшниковъ, и тотъ же самый эсхатологическій смыслъ имѣетъ купольная композиція Вознесенія—Второго Пришествія⁴⁾. Деисусъ, тѣмъ не менѣе, проникаетъ въ византійскія храмовыя росписи и вызываетъ тамъ отдѣльные случаи диттографіи. Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ такихъ случаевъ—купольная роспись собора св. Луки: тамъ Деисусъ внесенъ въ самый главный куполь, трактованъ, какъ вариантъ Вознесенія!

Изъ всего этого мы должны сдѣлать выводъ, что гдѣ-то въ предѣлахъ «византійскаго» культурнаго міра Деисусъ чрезвычайно прочно завоевалъ себѣ мѣсто въ схемѣ церковной росписи, настолько, что изъ провинціи въ столицу было занесено представление о существенномъ значеніи Деисуса для цѣльности росписи; но только въ Константинопольскихъ росписяхъ то мѣсто, которое принадлежало Деисусу на родинѣ, было уже занято, и столь прочно, что Деисусъ не могъ вытѣснить общепринятую композицію съ традиціоннаго мѣста. Гдѣ родина Деисуса, и какое ему принадлежало мѣсто на родинѣ, показываетъ длинный рядъ

¹⁾ Напомню, что и въ Великой св. Софіи константинопольской именно надъ главными входными дверьми изъ нареика въ каеоликонъ ктиторская мозаика люнета напоминаетъ тотъ же Деисусъ, или, вѣрнѣе, должна быть разсматриваема, какъ комбинація Деисуса съ ктиторскою композиціею; вмѣсто Предтечи, судя по рисунку Зальценберга, въ медальонѣ по грудь изображенъ ангелъ.

²⁾ La basilica di San Marco in Venezia, F. Ongania editore, fol. 32 III; фотографія Науа 3624.

³⁾ *Матеріалы по археологій Кавказа*, IV, 1894, стр. 46.

⁴⁾ Ө. И. Шмитъ, Мозаики монастыря преподобнаго Луки. *Сборникъ Харьк. Ист.-филолог. Общ.*, XXI, 1913—1914, стр. 322—325.

росписей кавказскихъ: въ Еркети ¹⁾, въ Жибіани ²⁾, въ Мацховари ³⁾, въ Никапари ⁴⁾, въ Сафарѣ ⁵⁾, въ Сахдари ⁶⁾, въ Супи ⁷⁾, въ Тбети ⁸⁾, въ Тцроми ⁹⁾, въ Хонской церкви ¹⁰⁾, въ Чукули ¹¹⁾, въ Шемокмеди ¹²⁾—Деисусъ помѣщенъ въ полукуполѣ главной апсиды.

Слѣдуетъ назвать одинъ еще памятникъ, который проливаетъ весьма опредѣленный свѣтъ на нашъ вопросъ: роспись южной апсиды Бѣлаго монастыря на краю Ливійской пустыни близъ Сохага. Въ этой апсидѣ «написанъ внутри ореола, несомаго двумя ангелами, колоссальный крестъ съ перекинутымъ черезъ него платомъ; по сторонамъ изображены двѣ стоящихъ фигуры: одна женская, вѣроятно Богородица (см. табл. XXII, 1), другая мужская, вѣроятно Іоаннъ Предтеча (см. табл. XXII, 2)». Роспись эта, какъ показываютъ, между прочимъ, и надписи, армянская и заказана, повидимому, армянскимъ епископомъ Григоріемъ, который въ самомъ концѣ XI вѣка былъ поставленъ дядею своимъ, армянскимъ патріархомъ Григоріемъ II, для армянъ; проживавшихъ въ Египтѣ ¹³⁾. Въ приведенномъ описаніи не указано, что и Богородица, и Предтеча изображены въ позахъ,

¹⁾ Д. Бакрадзе, Археологическое путешествіе по Гуріи и Адчарѣ. Спб., 1878, стр. 215.

²⁾ *Мат. по археологii Кавказа*, X, 1904, стр. 70.

³⁾ Бакрадзе, ук. соч., стр. 242.

⁴⁾ *Мат. по арх. Кавказа*, X, стр. 68.

⁵⁾ Въ церкви св. Савы: *Мат. по арх. Кавказа*, IV, 1894, стр. 84, табл. XXXIV, и Е. С. Такайшвили, Сафарскій монастырь, его надписи и остатки стѣнной росписи. *Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа*, XXXV, 1905, стр. 89. — Тамъ же въ Сафарскомъ монастырѣ, въ церкви св. Марины: Е. С. Такайшвили, ук. соч., стр. 95.

⁶⁾ *Мат. по арх. Кавказа*, X, стр. 62.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 65.

⁸⁾ *Мат. по арх. Кавказа*, III, 1893, стр. 73: «На алтарномъ выступѣ (sic) Спаситель на престолѣ, окруженный фигурами меньшаго размѣра»; табл. III.

⁹⁾ *Мат. по арх. Кавказа*, IV, стр. 183.

¹⁰⁾ Д. Бакрадзе, Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства. *Записки Общ. люб. кавказской археологii*, I, 1875, стр. 157.

¹¹⁾ *Мат. по арх. Кавказа*, X, 1904, стр. 62.

¹²⁾ Бакрадзе, Археолог. путешествіе, стр. 117.

¹³⁾ В. Г. Бокъ, Матеріалы по археологii христіанскаго Египта. Спб. 1901, стр. 59.

характерныхъ именно для Деисуса, и что вся апсидная композиція есть Деисусъ, гдѣ фигура Христа замѣнена крестомъ. Всѣ перечисленные памятники—и не слѣдуетъ забывать, что перечень этотъ составленъ на основаніи совершенно случайныхъ и завѣдомо неполныхъ данныхъ, — показываютъ, что именно Армения и Кавказъ являются тою страной, гдѣ Деисусъ занималъ въ системѣ церковной росписи опредѣленное и весьма видное, центральное мѣсто и откуда онъ проникъ въ западно-византійскія росписи. Мало замѣтные медальоны кievской св. Софіи, запрятанные мозаичистами подъ самые своды, становятся, такимъ образомъ, новымъ и цѣннымъ аргументомъ, говорящимъ о связяхъ Кіева съ Кавказомъ.

Дѣло представляется такъ, что митрополить-грекъ предписалъ программу росписи Софійскаго собора, въ точности отвѣчавшую константинопольскимъ взглядамъ и видамъ. Но или кievское духовенство, привыкшее къ инымъ программамъ храмовой росписи, или же мастера-мозаичисты, кавказцы, не представлявшіе себѣ полной росписи безъ Деисуса, напимѣрь, не смѣя ослушаться владыки, расширили программу греческую, внеся въ нее еще нѣсколько мотивовъ, противъ которыхъ Θεопемить протестовать, разумѣется, не могъ. Такъ какъ трудно себѣ представить, чтобы русское духовенство во времена Ярослава имѣло уже столь опредѣленные взгляды на церковныя росписи (такіе взгляды воспитываются вѣками, а не десятилѣтіями), то мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что инициатива исходила отъ художниковъ, опиравшихся на старинныя традиціи кавказской школы.

Все изложенное не разрѣшаетъ вопроса о росписи св. Софіи; все это только «къ постановкѣ вопроса о св. Софіи». Но самый вопросъ ставится въ столь опредѣленную плоскость, факты такъ краснорѣчиво подсказываютъ, какъ именно разрѣшится со временемъ вопросъ, что мы имѣемъ право если не окончательно отвергнуть константинопольскій догматъ, то, во всякомъ случаѣ, перестать признавать его догматомъ, который не требуетъ доказательствъ. Я понимаю, что бурный натискъ Стржиговскаго и его воинственный кличъ: «Востокъ, а не Византія» многимъ не понравился и не можетъ нравиться, просто потому, что въ той общей формѣ, въ которой мысль Стржиговскаго была форму-

лирована, она является такимъ же догматомъ, не доказаннымъ и въ настоящее время еще не доказуемымъ. Кличу: «Востокъ, а не Византія» былъ противопоставленъ паролъ: «Византія, а не Востокъ». Такими общими боевыми словечками наука удовлетвориться не можетъ: нужны доказательства, нужны факты. Фактовъ, пока, мы имѣемъ мало въ нашемъ распоряженіи. Ихъ нужно добыть. Для этого, разъ ужъ, по причинамъ, отъ нашей воли не зависящимъ, Малая Азія, Сирія и Месопотамія совершенно для изученія пока недоступны, нужно спасти, по крайней мѣрѣ, на Кавказѣ то, что еще не окончательно погибло, и нужно изучить и издать тѣ памятники, которые мы имѣемъ въ самомъ центрѣ Россіи, въ Кіевѣ и Черниговѣ. Такимъ путемъ мы подготовимъ рѣшеніе тѣхъ вопросовъ, которые были выдвинуты вовсе не впервые Стржиговскимъ, и о которыхъ думалъ, въ семидесятихъ уже годахъ XIX вѣка, о. Лебединцевъ.

Но не отвлеклись ли мы отъ темы? вѣдь мы начали съ алтарной мозаики Михайловскаго собора, а говоримъ о св. Софіи, о Черниговѣ, о Тмутаракани и многомъ другомъ, чтò, повидимому, съ Михайловскими мозаиками не имѣетъ ничего общаго. Но это только „повидимому“. Дѣло въ томъ, что послѣ всего предыдущаго, самый вопросъ о Михайловскихъ мозаикахъ приходится ставить уже не такъ, какъ его ставили А. В. Праховъ, Н. П. Кондаковъ, Н. В. Покровскій и др. Они старались выяснить взаимоотношеніе росписей св. Софіи и Михайловскаго Златоверхаго собора и, видя стилистическое различіе между ними, не находили иного объясненія, какъ только участіе русскихъ мастеровъ въ дѣлѣ украшенія кіевскихъ соборовъ. Но, при свѣтѣ привлеченнаго нами матеріала, вопросъ представляется уже инымъ. Да, кіевскія мозаики не похожи на константинопольскія. Но непохожи, одинаково, и мозаики св. Софіи, и мозаики Михайловскаго собора. Не совпадаютъ онѣ стилистически и однѣ съ другими. Загадка разрѣшается просто, если только допустить, что, кромѣ Константинополя, были еще и другіе, не менѣе яркіе, но менѣе намъ извѣстные, центры византійскаго искусства, откуда могло исходить русское искусство первоначальной поры. Мозаики св. Софіи могутъ стилистически соответствовать, напри- мѣръ, мозаичному искусству Кавказа первой половины XI вѣка, а мозаики Михайловскія могутъ быть дѣломъ кавказскихъ же

мастеровъ начала XII вѣка. Могутъ... дѣло за малымъ стало: надо изслѣдовать росписи Кавказа и провѣрить, такъ ли это на самомъ дѣлѣ, если только на Кавказѣ еще сохранились нужные намъ художественно-историческіе документы. Тогда и будетъ видно, правильно ли поставленъ вопросъ о мозаикахъ Михайловскаго Златоверхаго монастыря.

Феодоръ Шмитъ.

Харьковъ, декабрь 1915.
